

1950

447

ПРОВЕРЕН.

1950 Н.
447

Вееволодь Владиміровъ.

Революція

въ Финляндіи

при князь Лванъ Оболенскомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „СВѢТЪ“.

1905.

1973 г.

Революція въ Финляндіи

при князѣ Иванѣ Оболенскомъ.

Необычайный успѣхъ октябрьскаго переворота въ Финляндіи зависѣлъ не столько отъ организаторскихъ способностей финляндскихъ революціонеровъ или отъ блестящей подготовки задуманнаго ими „дѣйства“, сколько отъ бездѣятельности и полнѣйшей неспособности представителей русской власти и прежде всего, печальной памяти преемника незабвеннаго Н. И. Бобрикова, князя Ивана Оболенскаго.

Финляндская партія „активнаго сопротивленія“, игравшая въ этой революціи первенствующую роль, образовалась еще въ 1902 г., когда мѣрами Н. И. Бобрикова и В. К. Плеве было сломлено такъ называемое „пассивное сопротивленіе“, проявившееся главнымъ образомъ на почвѣ противодѣйствія воинской повинности. Тогда нѣкоторые изъ вождей крамолы признали невозможнымъ продолжать борьбу только этимъ способомъ и рѣшили перейти къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ. Прежде всего они вошли въ соприкосновеніе, а затѣмъ и въ тѣсный союзъ съ русскими революціонерами и съ этого времени начинается постоянное участіе представителей отъ Финляндіи на всѣхъ заграничныхъ революціонныхъ съѣздахъ. Въ общемъ планъ революціонеровъ Финляндіи придавалась весьма существенная роль, — роль скрѣпляющаго цемента, такъ какъ Финляндія признавалась наиболѣе подготовленной къ дѣйствию, въ силу высшей своей культурности. Вотъ какъ опредѣляли сами финляндскіе революціонеры роль Финляндіи въ общерусскомъ революціонномъ движеніи въ своемъ органѣ, стокгольмской „Fria Ord“ (отъ 11-го ноября 1902 года).

„Намъ нѣтъ болѣе основаній воздерживаться отъ единенія съ русской оппозиціей, съ тѣми русскими, которыхъ офици-

ціально называют революціонерами... Поляки, малороссы, остзейцы, евреи, кавказцы—всѣ эти національности въ одинаковой степени, какъ и либеральные элементы великороссовъ, увѣрены, что лишь *отмѣна Самодержавія* можетъ обезпечить культуру и цивилизацію въ Россіи, а поэтому и *ихъ права...* Ни одна изъ этихъ группъ не обладаетъ способностью собирать вокругъ себя остальныхъ. Въ виду этого наше сдѣйствіе можетъ стать и, безъ сомнѣнія, станетъ большою цѣнностью для русской оппозиціи... Мы сгумѣемъ стать ядромъ, вокругъ котораго соберутся остальные оппозиціонные элементы, мы можемъ способствовать организаціи силъ, составленію практически выполнимой программы и общаго плана политической работы... Мы не намѣрены терпѣливо выносить водвореніе самовольнаго Самодержавія и потому сами становимся въ ряды оппозиціи, желающей его уничтоженія. Этотъ періодъ насталъ для народовъ Россіи; дни Самодержавія сочтены, хотя срока еще не вѣдаемъ. Но помочь уменьшить этотъ срокъ—мы можемъ и должны это сдѣлать, чтобы имѣть право голоса, когда настанетъ *дѣлежъ наслѣдства Царства*“.

Активные революціонеры выступили на сцену убійствомъ Н. И. Бобрикова. Что это убійство было политическимъ и что о немъ и о томъ, кто долженъ его совершить, было отлично извѣстно кому слѣдуетъ въ Стокгольмѣ,—доказывается помещеніемъ на другой же день въ стокгольмской газетѣ „Afton-bladet“ портрета убійцы Шаумана и подробной его біографіи. Свѣдѣнія эти по расчету времени, никоимъ образомъ не могли быть доставлены изъ Гельсингфорса ни съ однимъ пароходомъ. Точно также за пять дней до бомбы Сазонова, сразившей В. К. Плеве, въ парижскомъ журналѣ „L'Europeen“, отъ 10 (23) іюля, напечатано было открытое письмо Конни Циллакуса ¹⁾ къ министру статсъ-секретарю Финляндіи, заканчивавшееся такою угрозою: „Mais vous ne pourrez probablement plus mentir longtemps. Qui sème le vent récolte la tempête. Vous avez largement semé, un avenir prochain verra la récolte. A vous alors la responsabilité, à vous les malédictions des peuples poussés au désespoir, sur votre tête retombera tout le sang qui sera versé (Но вамъ, вѣроятно не придется уже болѣе лгать. Кто сѣетъ вѣтеръ—тотъ пожинаетъ бурю. Вы сѣяли широкою рукой: близкое будущее увидитъ жатву. Тогда на васъ падетъ вся отвѣтственность, къ вамъ обращены будутъ проклятія доведенныхъ до отчаянія народовъ, на вашу голову упадетъ вся пролитая кровь“). Ясно, что финляндскіе революціонеры, если не участвовали непосредственно въ убійствѣ 15 іюля, то уже навѣрное знали о готовящемся преступленіи.

Въ промежутокъ времени между кончиною Н. И. Бобрикова и пріѣздомъ въ Финляндію новаго генераль-губернатора князя

¹⁾ Наиболѣе дѣятельный членъ „Финской Партіи Активнаго противленія“ и одинъ изъ редакторовъ „Fria Ord“.

Оболенскаго, какъ извѣстно, всплыло на свѣтъ Божій дѣло бывшаго сенатора Шаумана. У него была обнаружена при обыскѣ (послѣ совершеннаго его сыномъ убійства) писанная карандашемъ собственноручная его записка, раскрывающая планъ организаціи въ краѣ тайнаго стрѣлковаго обученія населенія, къ моменту „сверженія Самодержавія“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ связи съ розыскомъ по дѣлу объ убійствѣ генераль-адъютанта Бобрикова, были арестованы магистръ Германъ Гуммерусъ и механикъ Альбертъ Колланъ, изъ которыхъ первый оказался однимъ изъ организаторовъ революціонной сѣти въ Вазаской губерніи, а второй признался въ томъ, что принадлежалъ къ преступному сообществу, поставившему ближайшею своею цѣлью убійство генераль-губернатора... Всестороннее разслѣдованіе русскими властями всѣхъ этихъ дѣлъ, связанныхъ съ дѣломъ убійцы генераль-адъютанта Бобрикова, изъятымъ по Высочайшему повелѣнію изъ вѣдѣнія властей финляндскихъ, могло бы, вѣроятно, привести къ полному раскрытію всей революціонной финляндской организаціи и къ захвату ея главныхъ вожаковъ. Но не такъ взглянулъ на дѣло новый генераль-губернаторъ...

Въ день мученической смерти Н. И. Бобрикова финляндская интеллигенція повсемѣстно ликовала; „чертогъ сиялъ, гремѣли хоры“, всюду рѣкою лилось шампанское, чествовали всѣхъ Шаумановъ, а лежавшаго на смертномъ одрѣ честнаго слугу Царя и Россіи подвергали всевозможнымъ оскорбленіямъ и издѣвательствамъ... Затѣмъ на убійство откликнулся простой финскій народъ, который осудилъ его, какъ позорное преступленіе, запятнавшее кровью исторію Финляндіи... И въ средѣ революціонеровъ первоначальный восторгъ смѣнился трепетомъ, въ ожиданіи грознаго возмездія... Вся Финляндія замерла въ ожиданіи справедливой кары, которую она готова была покорно воспринять, какъ заслуженную, какъ неизбежную... Множество сельскихъ общинъ подали всеподданнѣйшіе адреса, съ выраженіемъ негодованія по поводу убійства; тѣ же чувства выразилъ и финляндскій сенатъ въ своемъ воззваніи къ населенію отъ 9 (22) іюня.

Настроеніе края въ тотъ моментъ характеризуется слѣдующими словами корреспонденціи въ норвежскую газету „Morgenbladet“: „Послѣ убійства Бобрикова мучительность положенія усилилась ужасающимъ образомъ и нужна великая душевная сила, чтобы не предаться въ конецъ отчаянію“.

Но вотъ появился Высочайшій рескриптъ отъ 17 іюня вновь назначенному генераль-губернатору. Содержаніе этого рескрипта, въ которомъ злодѣяніе 3 іюня признавалось „дѣломъ рукъ безумца и немногихъ его соучастниковъ“, а финскій народъ—непричастнымъ къ этому преступленію, должно было успокоить финляндцевъ, тѣмъ болѣе, что рескриптъ выражалъ увѣренность въ возможности сохраненія „и на будущее время“ особаго строя финляндскаго управления и внутренняго законодательства. Но, съ другой стороны, рескриптъ напоминалъ о „тѣснѣйшемъ единеніи Финляндіи съ Имперіей“, составляю-

щемъ „неуклонную задачу Государственной Власти“, подтверждая, что задача эта „должна остаться таковою и впредь“; въ рескриптѣ Государь воздавалъ оцѣнку почившему генералъ-губернатору, „стяжавшему почетное имя въ лѣтописяхъ утверждения Русской государственности на сѣверной окраинѣ“, какъ бы рекомендуя тѣмъ самымъ новому начальнику края слѣдовать по тому же пути. Да и къ тому же „особенному пожеланію“ новаго генералъ-губернатора поручалось не только внушать населенію края необходимость „прочнаго водворенія въ край мирнаго теченія жизни, для обезпеченія дальнѣйшаго преуспѣянія Финляндіи подъ сѣнью Русскаго Государства, но и прежде всего, *укрѣплять въ финскомъ народѣ убѣжденіе, что историческія судьбы его неразрывны съ судьбами Россіи*“.

Рескриптъ этотъ былъ принятъ съ чувствомъ удовлетворенія, какъ финляндцами, такъ и русскими. Первые признали въ немъ „порывъ оздоровляющаго вѣтра“ и „возможность свободно дышать“ (газета „Uusi Suometar“). Русская печать приняла рескриптъ, какъ симптомъ неизмѣнной устойчивости въ направленіи русской политики и видѣла особое въ томъ ручательство въ назначеніи преемникомъ Н. И. Бобрикову князя Оболенскаго.

Время показало, насколько ошиблись и та, и другая стороны.

Въ ту пору во всей Россіи, несмотря на хмурую осень, зацвѣла пыльная весна, насаждаемая княземъ Святополкомъ-Мирскимъ. „Князья не вольны, какъ дѣвицы“ и, вѣроятно, въ силу этого и другой князь, Оболенскій, тоже не замедлилъ воспринять столь чуждый ему раньше духъ „довѣрія“. Попріѣздивъ въ Финляндію, онъ прежде всего съ презрительно суровостью принялъ русскихъ служащихъ, не найдя сказать имъ ничего другого, кромѣ заявленія, что „ихъ слишкомъ много“; финляндцевъ-же успѣшилъ очаровать поэтической картиною о „двухъ корабляхъ“. „Отношенія Финляндіи къ Россіи“, сказалъ князь, „можно уподобить отношеніямъ большаго, хотя-бы и прекраснаго, рѣчнаго судна къ большому мореходному кораблю. Дѣйствуя вмѣстѣ съ кораблемъ, рѣчное судно можетъ сдѣлать много важнаго и полезнаго, но если рѣчное судно отважится одно идти въ открытое море, оно легко можетъ погибнуть“. „Два отдѣльныхъ корабля“, большой и маленькій, очевидно символизировали собою „унію“: чего же еще лучшаго было желать?

Совѣтъ-же маленькому рѣчному судну достигать „важнаго и полезнаго“ *совмѣстно* съ морскимъ кораблемъ былъ понятъ и принятъ къ свѣдѣнію: союзъ революціонеровъ финляндскихъ съ революціонерами русскими укрѣпился еще болѣе, что и показали январскія событія пlynѣшняго года. Въ тоже время уроки русскихъ террористовъ не пропадали даромъ и синодикъ жертвъ русскаго дѣла въ Финляндіи увеличился. Юнсонъ, Мясофдовъ, Крамаренко, Дейтрихъ, Папковъ, полицейскіе, жандармы,—кто убитъ, кто раненъ, кто спасся только необъяснимымъ счастьемъ. Антиправительственная-же дѣятель-

ность расширилась и облегчилась въ значительной мѣрѣ благодаря амнистіи политическимъ высланнымъ.....

О готовящихся въ ближайшемъ будущемъ въ Финляндіи весьма серьезныхъ событіяхъ князь Оболенскій былъ своевременно и вполне опредѣленно освѣдомленъ подлежащими властями. Последнія по времени донесенія этого рода представлены были въ минувшемъ сентябрѣ управляющимъ Нюландскою губерніею, во время пребыванія князя Оболенскаго въ Транзундъ и Бьеркэ при посѣщеніи этихъ мѣстъ Государемъ Императоромъ. При этомъ указывалось на выработку революціонерами цѣлаго плана внезапнаго нападенія на должностныхъ лицъ, обезоруженія полиціи и жандармовъ, захвата желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и телефона. Свѣдѣнія эти вызвали даже принятіе въ Гельсингфорсѣ и Нюландской губерніи особыхъ предупредительныхъ мѣръ, приведенныхъ въ исполненіе, за отсутствіемъ генералъ-губернатора, безъ всякихъ съ его стороны указаній. Предувѣдомленные военныя и военно-морскія власти также приготовились; полицейская охрана города была усилена; броненосецъ „Слава“ былъ отправленъ въ Гельсингфорсъ изъ Кронштадта тотчасъ же послѣ Высочайшаго смотра нѣкоторымъ судамъ Балтійскаго флота, причемъ командиръ броненосца получилъ вполне опредѣленные инструкціи на случай, если беспорядки въ Гельсингфорсѣ уже начались.

Объ отправкѣ броненосца князю Оболенскому ничего извѣстно не было.

Относя всѣ эти тревожныя извѣстія, по своему обыкновенію, къ разряду „фельетонныхъ“, князь Оболенскій, несмотря на одновременное съ тѣмъ фактическое подтвержденіе прежнихъ донесеній о систематическомъ ввозѣ въ край оружія, выразившееся обнаруженіемъ цѣлой его партіи 1) на пароходѣ „Джонъ Графтонъ“, сѣвшемъ у Якобстада на мель, продолжалъ смѣло увѣрять своего Монарха въ преданности Ему не только финскихъ крестьянъ, но и всего остальнаго населенія окраины. Въ преданности этой князь Оболенскій старался убѣдить Царственную Чету, представляя ей депутаціи простодушныхъ выборгскихъ поселянъ съ молокомъ, яйцами и другими сельскими продуктами, и вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно скрывая, что въ остальной Финляндіи, не прекращаясь, развивалось усиленное броженіе, ввозилось и раздавалось оружіе, происходили бурныя сходки и даже производилось обученіе стрѣльбѣ и строю 2). Любопытно, что всѣ эти медовыя рѣчи о „тихихъ, спокойныхъ финляндскихъ водахъ“, какъ единственнымъ подходящемъ мѣстѣ для Царскаго отдыха, производилъ тотъ самый князь Оболенскій, который не дальше, какъ

1) До 12.000 винтовокъ системы «Vetterley» (швейцарской) съ отточенными штыками и массою патроновъ, револьверовъ и динамита.

2) Въ № 138 за 1905 годъ даже «Русскій Инвалидъ» обращалъ вниманіе на характеръ современной дѣятельности стрѣлковыхъ обществъ въ Финляндіи.

въ предидущемъ декабрѣ мѣсяцѣ доносилъ своему Государю 1), что финляндцы ненавидятъ Россію, и что въ этомъ народѣ не существуетъ истинной вѣрности Государству Россійскому и Престолу Самодержца.

Приходъ эскадры 2) въ Гельсингфорсъ былъ для финляндцевъ полною неожиданностью. По этой ли причинѣ или вслѣдствіе измѣненія своихъ плановъ, — но революціонеры на этотъ разъ притихли и ожидаемаго взрыва не произошло. Это дало немедленно же поводъ мѣстнымъ газетамъ 3) открыто обвинять управляющаго Нюландскою губерніею въ томъ, что онъ своими донесеніями о готовящемся возстаніи ввелъ въ заблужденіе Его Величество.

На самомъ дѣлѣ, какъ выяснилось теперь, финляндскіе революціонеры рѣшились выждать общей политической забастовки въ Петербургѣ.

Вскорѣ послѣ этого князь Оболенскій, посѣтивъ Петербургъ, любезно представилъ себя въ распоряженіе корреспондента „Новаго Времени“, которому, между прочимъ, весьма развязно доказывалъ нѣчто вродѣ того, что революціи въ Финляндіи съ цѣлью отторженія ея отъ Россіи никогда не будетъ, и что если ружья и доставлены, то ихъ надо еще раздать и что сами они стрѣлять не могутъ 4), что эскадра посѣтила Финляндію только въ видѣ „военной прогулки“ и что вообще финляндцы ничего опаснаго для Россіи сдѣлать не могутъ.

Въ полной солидарности со взглядами князя, вазаскій губернаторъ *Книповичъ* (изъ мѣстныхъ уроженцевъ русскаго происхождения) въ бесѣдахъ своихъ съ корреспондентами нюлайштадскихъ газетъ, рѣшился категорически увѣрять, что задержанное на „Джонѣ Графтонѣ“ оружіе предназначалось вовсе не для финляндцевъ, а для русскихъ революціонеровъ.

Не будучи въ состояніи отвергать фактъ находки оружія, князь Оболенскій, оставаясь вѣрнымъ себѣ, поручилъ производство дознанія по этому дѣлу исключительно мѣстнымъ властямъ, послѣдствіемъ чего и былъ систематическій побѣгъ изъ-подъ стражи всѣхъ задержанныхъ по этому дѣлу лицъ на глазахъ жандармовъ, которые связаны были возложенною на нихъ исключительно наблюдательною ролью.

Послѣдующія событія показали, насколько увѣренія князя Оболенскаго, какъ въ „спокойныхъ водахъ“ Транзунда и Бьоркэ, такъ и на столбцахъ „Новаго Времени“, оказались вѣрны дѣйствительности.

Пользуясь тѣмъ, что въ самой Имперіи смута принимала все болѣе серьезный характеръ, поглощая вниманіе высшихъ правительственныхъ сферъ, финляндцы въ союзѣ и соглашеніи съ русскими революціонерами рѣшили привести въ

1) Во всеподданнѣйшей запискѣ, которую самъ князь весьма усердно пропагандировалъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ.

2) На другой день къ «Славѣ» присоединились и остальные суда.

3) Напримѣръ, «Itä Nämi» отъ 11 октября нов. ст. за № 79 и друг.

4) См. № 10618 «Новаго Времени». Къ сожалѣнію, почтенная газета не печатала тѣхъ возраженій, которыя были ей посланы на заявленія кн. Оболенскаго.

исполненіе давно задуманный планъ переворота съ цѣлью добиться лишь номинальной зависимости отъ русской власти.

На общей конференціи 2—9 апрѣля 1905 года соединенныхъ революціонныхъ партій: социаль-революціонной русской, социалистической польской, армянской революціонной федераціи, финской партіи активнаго сопротивленія, грузинской федералистско-революціонной социалистической партіи, латышскаго социалдемократическаго союза и бѣлорусской социалистической громады, было постановлено свершить „послѣдній расчетъ съ умирающими силами самодержавія“, пользуясь двумя безпощадными войнами — внѣшней и внутренней — терзающими Россію, а затѣмъ, добившись этой главной цѣли общими усиліями, преслѣдовать уже каждой свои частныя цѣли. Въ изданныхъ этою конференціею прокламаціяхъ, за подписью всѣхъ упомянутыхъ революціонныхъ партій, была провозглашена неизбежная необходимость, путемъ общаго вооруженнаго возстанія, добиться низверженія династіи и захватить власть въ руки учредительныхъ собраній „самоопредѣляющихся національностей“, скванныхъ доселѣ автократіей, какъ каторжники, одною цѣпью. Строй каждой отдѣльной націи долженъ быть преобразованъ самостоятельно на демократически-республиканскихъ основахъ; Финляндія, Польша и Кавказъ не принимаютъ участія въ учредительномъ собраніи представителей всероссійскаго государства, причемъ, въ отношеніи Финляндіи, всѣ партіи согласно рѣшили требовать: 1) отмены всѣхъ мѣропріятій, „оскорбившихъ“ ея конституціонныя права; 2) введенія демократическаго режима на основѣ общаго права голоса и 3) недопущенія никакого вмѣшательства русскаго правительства въ ея національное развитіе 1).

Весьма знаменательно, что къ забастовкамъ въ Финляндіи было приступлено не одновременно съ однородными событіями въ Имперіи, а уже тогда, когда финляндцамъ сдѣлалось извѣстно о состоявшемся рѣшеніи издать Высочайшій манифестъ, предоставляющій обывателямъ всей Россіи свободу совѣсти, слова, печати, собраній и союзовъ и расширяющій полномочія Государственной Думы до права контроля надъ всѣми правительственными чинами и органами и до невозможности издачія закона безъ ея одобренія. Уже съ самаго начала движенія въ Россіи въ пользу созванія Государственной Думы финляндцы пошли въ разрѣзъ этому движенію, выказавъ явное нежеланіе принимать участіе въ общерусскомъ народномъ представительствѣ. Они находили для себя вполне достаточною свой сеймъ, даже и для законодательнаго разрѣшенія вопросовъ общегосударственныхъ. Когда въ положеніи о Государственной Думѣ финляндцы прочли указаніе на обязательность привлеченія въ Думу представителей и отъ Финляндіи при разрѣшеніи касающихся этого края общегосударственныхъ дѣлъ, они тотчасъ-же насторожились и, какъ только имъ стало извѣстно о томъ, что въ манифестѣ 17 октября не

1) См. прокламація № 6 «Финской партіи активнаго сопротивленія».

имѣется никакой особой оговорки въ отношеніи Финляндіи,— они немедленно же рѣшили воспользоваться этимъ и произвести давленіе на русское правительство, рассчитывая добиться отъ него желаемыхъ ими уступокъ.

Такимъ образомъ событія въ Финляндіи съ 17 по 25 октября, хотя и имѣли отчасти сходственныя формы съ происшедшими нѣсколько ранѣе въ коренной Имперіи и входили въ общую революціонную программу, однако вызывались совершенно иными мѣстными побудительными причинами.

Въ шесть часовъ пополудни 16 октября (когда въ Петербургѣ уже знали содержаніе Высочайшаго Манифеста, обнародованіе котораго состоялось на другой день) забастовала петербургская станція финляндскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 1); ночью забастовка эта распространилась до Выборга, а на другой день, 17-го, послѣ повсемѣстныхъ рабочихъ сходокъ, забастовала вся желѣзнодорожная сѣть края, всѣ фабрики, заводы, торгово-промышленныя заведенія, магазины и лавки, кромѣ торгующихъ съѣстными припасами. На другой день, не смотря на *распубликованіе во всѣхъ газетахъ* 2) *Высочайшаго Манифеста 17 Октября*, забастовки распространились не только на всѣ учебныя заведенія во главѣ съ Императорскимъ Гельсингфорскимъ Александровскимъ университетомъ, но и на большинство правительственныхъ учреждений, не исключая и финляндскаго сената. Въ тотъ же день съ 10-ти часовъ утра прекратилось движеніе въ городѣ электрическаго трамвая, закрыты были телефонъ, электрическое и газовое освѣщеніе, приостановленъ извозный промыселъ. Гельсингфорскіе городскіе уполномоченные собрались въ экстренное засѣданіе и постановили выразить сочувствіе забастовщикамъ и оказывать имъ поддержку. Студенты и воспитанники лицеевъ обходили толпою всѣ учебныя заведенія и школы, прекращая въ нихъ занятія. Толпа эта явилась и въ русскія мужскую и женскую гимназіи, причѣмъ поводомъ къ учебной забастовкѣ выставлена была радость по случаю Высочайшаго Манифеста. Однако, хотя нѣкоторыя газеты въ краѣ, основываясь на дарованной этимъ Манифестомъ сеободѣ печати, и вышли самовольно безъ предварительной цензуры, ни въ чемъ остальномъ не усматривалось, чтобы финляндцы признавали этотъ государственный актъ имѣющимъ обязательную для Финляндіи силу. Такая же забастовка произошла во всемъ краѣ повсемѣстно въ одно и тоже время.

Въ 11 час. утра 18-го къ генераль-губернатору приглашенъ былъ командиръ 22-го Армейскаго корпуса, причѣмъ его сіятельство, предупредивъ генераль-лейтенанта барона Зальца объ общей забастовкѣ, выразилъ сомнѣніе въ возможности серіозныхъ безпорядковъ. Затѣмъ указано было также

1) Отказавшіеся наканунѣ примкнуть къ русскимъ забастовщикамъ служащіе этой станціи, на другой день исполнили это по требованію особыхъ, присланныхъ изъ Гельсингфорса, эмиссаровъ.

2) Вышедшихъ въ этотъ день въ послѣдній передъ забастовкою наборщиковъ разъ.

на необходимость, чтобы обычный нарядъ для охраны генераль-губернаторскаго дома, въ случаѣ вызова войскъ, прибыль на мѣсто возможно незамѣтно, дабы не раздражать преждевременно толпы.

Имѣя передъ собою такое положеніе вещей, возможность котораго самъ постоянно отрицалъ, князь Оболенскій придумалъ особую уловку, при помощи которой рассчитывалъ съ одной стороны лично обезопасить себя отъ насилія, а съ другой—оправдать свои дѣйствія передъ Государемъ и Россіей. Не найдя въ Манифестѣ 17-го октября прямой оговорки о распространеніи его и на Финляндію, онъ воспользовался этимъ и началъ открыто заявлять, что „пропускъ“ этотъ является „ошибкой“ составителей Манифеста, почему онъ, во избѣжаніе нежелательныхъ осложненій, немедленно-же намѣренъ приступить вмѣстѣ съ сенатомъ къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя надлежало принять по отношенію къ Финляндіи. По толкованію князя Оболенскаго такимъ образомъ вышло, что Манифестъ, обращенный ко всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Государя, не относится до жителей Финляндіи, составляющей нераздѣльную часть Имперіи, и что для финляндцевъ необходимо издать особый Государственный актъ. Вотъ для рѣшенія вопроса о томъ, въ чемъ долженъ этотъ актъ заключаться,—а вовсе не для установленнаго закономъ распубликованія по Финляндіи Манифеста 17-го октября, князь Оболенскій пригласилъ къ себѣ 1) къ 3 часамъ дня 18 числа весь финляндскій сенатъ in corpore. Сенаторовъ собрали въ генераль-губернаторскомъ домѣ, потому что зданіе сената, по случаю забастовки его служащихъ, было закрыто, да и вообще князь Оболенскій, помня 3-е іюня 1904 г. 2), не особенно-то любилъ посѣщать это зданіе и часто практиковалъ совершенно незаконный созывъ къ себѣ на квартиру сенаторовъ для устройства частныхъ засѣданій.

Когда сенаторы собрались, князь вышелъ къ нимъ въ парадной формѣ, прочелъ Манифестъ 17 октября и затѣмъ представилъ имъ однимъ обсуждать, что-же слѣдуетъ дѣлать дальше.

Спустя нѣкоторое время послѣ начала засѣданія къ генераль-губернаторскому дому разомъ нахлынула, около половины четвертаго, огромная толпа народа, которая запрудила собою всю эспланаду и прилегающія къ дому улицы, преградивъ къ нему свободный доступъ. Толпа эта только что была на сходкѣ на желѣзнодорожной площади 3) и, пользуясь почти полнымъ отсутствіемъ полиціи, которую во всемъ городѣ принудили разоружиться, снять форму и забастовать 4),

1) За все время генераль-губернаторства князь былъ въ зданіи Сената не болѣе четырехъ-пяти разъ. Н. И. Вобриковъ бывалъ аккуртно каждую недѣлю по четвергамъ.

2) День убійства Н. И. Вобрикова.

3) О которой было своевременно донесено губернатору.

4) Часу въ 12-мъ утра особыя кучки обходили всѣхъ полицейскихъ, убѣждая забастовать съ 2-хъ час. Такое предложеніе сдѣлано было и постовымъ городовымъ дома генераль-губернатора, но послѣдніе отка-

совершенно безпрепятственно выполнила задуманное. Въ этотъ именно моментъ (3 часа 40 минутъ дня), по порученію Нюландскаго губернатора, чиновникомъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ, коллежскимъ совѣтникомъ Дидрихсомъ, отправлена была начальнику штаба 22 Армейскаго корпуса записка слѣдующаго содержанія: „У дома генераль-губернатора собирается большая толпа, которая ведетъ себя пока спокойно. Настроеніе ея не изъ надежныхъ. Могутъ потребоваться немедленно войска. Докладываю объ этомъ на случай вашему превосходительству“.

Явившійся затѣмъ въ домъ генераль-губернатора ¹⁾ гельсингфорскій полиціймейстеръ шведъ Авъ-Энегельмъ, будучи весьма взволнованъ, доложилъ Нюландскому губернатору, что толпа желаетъ немедленно принятія отъ лица ея генераль-губернаторомъ депутаціи изъ пяти человекъ, причеиъ настроеніе толпы таково, что по его мнѣнію это требованіе исполнить необходимо, иначе онъ, полиціймейстеръ не ручается за послѣдствія. Тогда губернаторъ приказалъ полиціймейстеру лично выйти къ толпѣ и предупредить ее, что генераль-губернаторъ въ настоящее время занятъ и принять депутацію не можетъ. Полиціймейстеръ весьма неохотно исполнилъ это приказаніе, но когда отворена была для его выхода наружу дверь, толпа силою удержала ее открытою и депутація, подъ предводительствомъ магистра Гуммеруса ²⁾, самовольно проникла въ прихожую генераль-губернаторскаго дома. Гуммерусъ съ крайне дерзкимъ видомъ подошелъ здѣсь вплотную къ губернатору и спросилъ его: „Кто вы такой“, а затѣмъ, по полученіи отвѣта, предъявилъ отъ имени „народа“ требованіе быть немедленно принятымъ генераль-губернаторомъ. На предложеніе подождать въ пріемной окончанія засѣданія, послѣ чего только можетъ быть доложено генераль-губернатору о депутаціи, Гуммерусъ, безпрестанно вынимая часы, отвѣтилъ, что „народъ не можетъ ждать“, и вышелъ передать толпѣ сообщеніе губернатора, говоря: „мы уходимъ, но мы тотчасъ же возвратимся“. Обратясь съ

зались, о чемъ тотчасъ-же было доложено находившемуся въ домѣ Нюландскому губернатору, который однако никакихъ предупредительныхъ распоряженій не сдѣлалъ (см. письмо въ редакцію въ № 10657 «Новаго Времени») Какъ выяснилось позднѣе, въ назначенный для забастовки полиціи часъ, каждый полицейскій былъ окруженъ кучкою людей, снятъ съ поста, обезоруженъ, переодѣтъ. Большинство тутъ-же было завербовано въ образовавшуюся муниципальную полицію; оставшіеся же вѣрными до 80 человекъ (почти исключительно русскихъ и эстонцевъ) не могли даже явиться къ губернатору, такъ какъ ихъ нигде не пропустили чины новой добровольной полиціи, которымъ всѣмъ розданы были фотографіи этихъ не совращенныхъ констаблей.

¹⁾ Смѣнившій уволеннаго княземъ Оболенскимъ обрусѣвшаго финна Карлстедта.

²⁾ См. выше. Кромѣ него въ составъ депутаціи входили: поэтъ Арвидъ Мернэ, г. Стенбергъ, учитель Габріэль Вюдэ (братъ бывшаго финскаго офицера, замѣшаннаго въ убійствѣ министра Сипягина) и студентъ Ютсеніми.

крыльца къ толпѣ, Гуммерусъ передалъ ей заявленіе губернатора, начавъ такъ: „незаконный губернаторъ сказалъ...“

Толпа настаивала на первоначальномъ рѣшеніи, „даже если послѣдуетъ насиліе“, что и сообщили губернатору вновь возвратившіеся депутаты. Губернаторъ уступилъ и отправился съ докладомъ къ генераль-губернатору въ верхній этажъ дома. Князь, находившійся въ гостиной, рядомъ съ портретнымъ заломъ, въ которомъ засѣдали сенаторы, принялъ депутацію и она была допущена въ гостиную. Гуммерусъ отъ имени народа предъявилъ князю въ крайне рѣзкой формѣ и грубымъ голосомъ требованіе объ уходѣ въ отставку вмѣстѣ со всѣми сенаторами. Когда же генераль-губернаторъ, выразивъ на то готовность, добавилъ: „Вѣдь это будетъ уже объявленіе войны“, послѣдній отвѣчалъ: „Да, это война, но только—безъ оружія“. Затѣмъ, указывая на дверь, ведущую въ портретный залъ, Гуммерусъ спросилъ: „Тамъ сенаторы?“ и, не дожидаясь отвѣта, ударомъ ноги раскрылъ дверь, и депутація слѣдомъ за нимъ вломилась въ засѣданіе сената. Тутъ она повторила свое требованіе объ отставкѣ, обращаясь къ сенаторамъ. Послѣдніе совершенно опѣшили, кромѣ сенатора Ланга, человека довольно энергичнаго, который всталъ и заявилъ, что будучи назначенъ Высочайшею волею, только этою же волею можетъ быть и смѣщенъ, а потому подчиняться предъявленному требованію не можетъ. Прочіе сенаторы безмолвствовали, а самый младшій изъ нихъ—Неовіусъ („министръ“ финансовъ ¹⁾) въ знакъ полнаго презрѣнія къ депутатамъ „толпы“ повернулся къ нимъ спиною.

Тѣмъ временемъ внизу появилась другая депутація, отъ лица многочленной соединенной сходки конституціоналистовъ и рабочихъ, только что окончившейся въ пожарномъ домѣ. Депутація эта, не смотря на то, что въ составъ ея входилъ бывший адъютантъ генераль-губернатора графа Гейдена, баронъ фонъ-Котенъ ²⁾, держала себя въ пріемной (рядомъ съ которой въ гостиной находилось все семейство князя Оболенскаго) настолько шумно и непринужденно, что находившійся въ домѣ бывший сенаторъ Неовіусъ вынужденъ былъ обратиться къ ней съ предупрежденіемъ.

Эту вторую депутацію генераль-губернаторъ принялъ въ той-же гостиной и пригласилъ ее сѣсть. Она потребовала немедленной отпѣны „диктатуры“ и другихъ „незаконныхъ“ постановленій, перечисленныхъ „большою петиціею“, увольненія

¹⁾ Неовіусъ, между прочимъ, одинъ изъ двухъ сенаторовъ (другой—Чильманъ), отказавшихся отъ пенсіи.

²⁾ Кромѣ него депутатами были 1) инспекторъ городскихъ школъ А. фонъ-Бонсдорфъ (уволненный при Н. И. Бобриковѣ отъ должности ректора лицея за противоправительственную дѣятельность); 2) ассессоръ Гофгерихта Свингсрудъ (защитникъ Хохенталя и большой агитаторъ на послѣднемъ сеймѣ); 3) докторъ Хейки Ревель; 4) кандидатъ правъ адвокатъ Ионасъ Кастренъ, членъ боевой организаціи, высланный при Бобриковѣ; 5) директоръ банка Лавоніусъ; 6) магистръ философіи Е. Шауманъ (братъ убійцы Бобрикова) и 7) писательница Текла Хультинъ (см. «Финляндія», изд. Поповой, гдѣ есть ея статьи).

всѣхъ русскихъ чиновниковъ и замѣны ихъ лицами, „облеченными довѣріемъ народа“, немедленнаго ухода въ отставку министра статсъ-секретаря, генераль-губернатора и сенаторовъ: передачи осужденнаго военнымъ судомъ убійцы жандармскаго подполковника Крамаренко, Прокопе, мѣстному суду; возвращенія высланныхъ изъ края Вестлина и Эриксона, покушавшихся на убійство Николайштадскаго полиціймейстера и, наконецъ, немедленнаго созыва чрезвычайнаго сейма для разрѣшенія 2-хъ вопросовъ: а) о всеобщей и равной подачѣ голосовъ, съ преобразованиемъ управления краемъ на современныхъ демократическихъ началахъ съ отвѣтственнымъ передъ сеймомъ правительствомъ, и б) объ урегулированіи бюджетнаго вопроса. Если всѣ эти требованія не будутъ удовлетворены, заявили депутаты,—мы слагаемъ съ себя отвѣтственность за дальнѣйшія послѣдствія и забастовка, какъ разрастающаяся лавина, будетъ продолжаться. Генераль-губернаторъ отвѣтилъ, что изданіе въ Имперіи Манифеста 17 октября само собою вызываетъ необходимость предоставленія *однородныхъ* 1) льготъ и для Финляндіи, о чемъ и послѣдуетъ всеподданнѣйшее ходатайство со стороны Сената 2), и изъявилъ готовность просить о созывѣ сейма; относительно же увольненія своего въ отставку заявилъ, что самъ съ удовольствіемъ покинетъ должность, если на то послѣдуетъ согласіе Его Императорскаго Величества. Депутаты настаивали на немедленномъ отъѣздѣ генераль-губернатора въ Петербургъ для исходатайствованія Высочайшаго соизволенія на всѣ ихъ требованія, причемъ одинъ изъ нихъ (Ионасъ Кастрень), сказалъ: „У васъ есть подъ парами „Элекенъ“ 3); вы можете сейчасъ ѣхать“. Всѣ требованія депутаціи излагалъ по-шведски Бонддорфъ, весьма спокойно, но твердымъ, безапелляционнымъ тономъ и въ самой опредѣленной формѣ, подчеркивая каждый разъ, что это—не „просьба“, а „требованіе“; каждый пунктъ онъ повелительно диктовалъ чиновнику для порученій при генераль-губернаторѣ, графу Эрику Бергу (внуку бывшаго генераль-губернатора, носящему „финляндское“ графское достоинство), который смиренно переводилъ и переносилъ нерѣдко дѣлаемые Бонддорфомъ нетерпѣливыя поправки.

Пока все это происходило въ домѣ генераль-губернатора, многочисленная толпа ожидала довольно сдержанно и только заявленіе вышедшей изъ дома первой депутаціи съ Гуммерусомъ во главѣ о томъ, что „князь Оболенскій подаетъ въ отставку“, было встрѣчено громкими криками радости.

Во время пребыванія въ домѣ генераль-губернатора упомянутыхъ депутацій, на всѣхъ правительственныхъ зданіяхъ города—сенатѣ, вокзалѣ, „Атенеумѣ“ и т. п. русскіе національ-

1) Въ результатъ былъ изданъ какъ извѣстно, Манифестъ 22 октября, не имѣющій съ Манифестомъ 17 числа ничего общаго, и даже не содержащій ни малѣйшей на него ссылки.

2) Какъ увидимъ ниже, сенатъ объ этомъ и не думалъ просить, а—совершенно о другомъ.

3) Яхта Лопманскаго вѣдомства, на которой, неизвѣстно чьимъ распоряженіемъ, дѣйствительно были предусмотрительно разведены пары.

ные флаги были замѣнены новоизобрѣтенными финляндскими,—красными съ желтымъ финляндскимъ львомъ.

Сдѣлана была и попытка сорвать русскій флагъ съ генераль-губернаторскаго дома, но когда смѣльчаки взобрались для того на балконъ и уже влѣзали на крышу, кто то въ толпѣ крикнулъ: „казаки!“ Это вызвало панику; толпа отхлынула отъ дома прочь, причемъ нѣсколько десятковъ человекъ потерпѣли серьезныя увѣчья, а двое было задавлено на смерть.

Депутація конституціоналистовъ и примкнувшихъ къ нимъ рабочихъ, послѣ пріема ея генераль-губернаторомъ, впущена была затѣмъ въ портретный залъ, гдѣ засѣдали сенаторы, и здѣсь, предъ лицомъ изображеній всѣхъ русскихъ Монарховъ, предъявила къ нимъ требованіе объ отставкѣ. Отдѣльные депутаты затѣмъ имѣли совѣщаніе съ отдѣльными сенаторами. Результатомъ всего этого было единогласное рѣшеніе сената подать въ отставку, причемъ съ сенаторовъ взята была подписка слѣдующаго содержания: „Присутствующіе члены обоихъ департаментовъ сената, какъ хозяйственнаго, такъ и судебнаго, объявляютъ всенародно, что они постановили подать въ отставку“. Но и этого показалось мало. Для вящаго позора Кастрень заставилъ трехъ наименѣ любимыхъ сенаторовъ: Стренга, Сольмана и Вуоренхеймо, выйти на балконъ генераль-губернаторскаго дома и объявить толпѣ объ отставкѣ всего сената, что и было безпрекословно исполнено, причемъ физіономіи сенаторовъ освѣщались канделябрами, взятыми изъ покоевъ генераль-губернатора. Заявленіе это встрѣчено было громкими криками одобренія; толпа пропѣла „Вортъ-ландъ“, и подъ звуки Бьернеборгскаго марша постепенно разошлась въ седьмомъ часу вечера.

Во все время четырехчасовой „осады“ генераль-губернаторскаго дома войска для ея прекращенія вызваны не были, хотя сношенія съ ними не прерывались 1), доказательствомъ чему служить вторичное отправленіе, уже въ 5 часовъ дня, нижеслѣдующаго письма нюландскаго губернатора начальнику штаба 22-го армейскаго корпуса, полученнаго адресатомъ въ 5 часовъ 50 минутъ пополудни: „*Велѣдствіе крайне напряженнаго состоянія населенія, могущаго ежеминутно потребовать вмѣшательства вооруженной силы, прошу распоряженія вашего превосходительства объ отдачѣ приказанія войскамъ гарнизона быть въ полной готовности, дабы по первому требованію они могли выйти изъ казармъ и прибыть елико возможно скорѣе на указанныя мѣста, о чемъ послѣдуетъ уведомленіе*“. Получивъ такую записку, командиръ корпуса волей-неволей ограничился приведеніемъ всѣхъ войскъ въ своихъ казармахъ въ полную боевую готовность, назначеніемъ наряда въ домъ генераль-губернатора отъ роты, находившихся по сосѣдству въ гвардейскихъ казармахъ, и передвиженіемъ въ тѣ же казармы всѣхъ остальныхъ каза-

1) Вообще во время «осады» генераль-губернаторскаго дома сношенія его съ внѣшнимъ міромъ поддерживались непрерывно; цѣлый рядъ посланныхъ, отправленныхъ изъ дома, достигъ мѣсть назначенія и, обратно, много лицъ (даже—офицеровъ) проникло въ домъ.

ковъ оренбургской сотни, дабы имъ быть подъ рукою на случай требованія отъ губернатора разогнать толпу ихъ дѣйствіемъ. Передвиженіе этихъ казаковъ въ противоположномъ и весьма отдаленномъ отъ генераль-губернаторскаго дома концѣ Эспланадной улицы вызвало въ толпѣ именно ту панику, о которой упомянуто выше. Эпизодъ этотъ между прочимъ доказываетъ, насколько легко было въ то время разсѣять толпу, не прибѣгая даже къ оружію и во всякомъ случаѣ, что въ безпрекословномъ подчиненіи дерзкимъ требованіямъ не было ровно никакой крайней необходимости. Характерно, что немедленно вслѣдъ за этимъ къ бывшему командиру л.-гв. 3-го стрѣлковаго финскаго баталіона—продолжающему жить на своей прежней квартирѣ въ гвардейскихъ казармахъ, явилась депутація отъ публики просить его, какъ соотечественника, оказать содѣйствіе къ тому, чтобы казаки, какъ причина случившихся несчастій, были немедленно уведены.

Вечеръ 18 и ночь на 19 прошли въ г. Гельсингфорсѣ съ внѣшней стороны спокойно; никакихъ сборищъ не было и городъ, погруженный во мракъ, среди котораго мелькали лишь огненные точки электрическихъ фонариковъ новоявленной „добровольной стражи“, казался вымершимъ.

Стража эта, или „самозванная полиція“, была организована по порученію городского магистрата бывшимъ полиціймейстеромъ (уволненнымъ при генераль-адъютантѣ Бобриковѣ) до назначенія Карлстедта и вступила въ отправленіе своихъ обязанностей немедленно же вслѣдъ за низложеніемъ правительственной полиціи. Отличительнымъ знакомъ ея были бѣлыя повязки на рукавахъ. Эта „полиція“, въ составѣ которой входило не мало студентовъ, а также вошло потомъ не мало финновъ и шведовъ изъ бывшей полиціи, доходила до 1,000 человекъ; она овладѣла зданіями центральной полиціи и участковъ и обезоружила полицейскіе резервы, которыхъ въ присутствіи толпы заставили торжественно сложить оружіе на Сенатской площади. Новая полиція¹⁾ немедленно установила строжайшій надзоръ за генераль-губернаторскимъ домомъ, а впослѣдствіи и за всѣми русскими домами, а также и за телеграфомъ, контролируя каждого, кто входилъ въ эти дома или выходилъ изъ нихъ, и даже опрашивая лицъ неизвѣстныхъ или задерживая ихъ и выясняя ихъ личность въ полиціи, куда ихъ отводили арестованными. Такъ продолжалось вплоть до 21 октября (день переѣзда генераль-губернатора на броненосецъ „Слава“), причѣмъ одно время былъ совершенно прекращенъ всякій доступъ на телеграфъ²⁾. Задержанію и приводу въ полицію для опроса подверглись многіе чины канцеляріи генераль-губернатора (кромѣ носящихъ военную форму, которыхъ лишь опознавали, освѣщая ночью электрическими фонарями, роздавая каждому „полицейскому“); курьеръ Его Императорскаго Величества къ президенту Французской

1) Смѣненная затѣмъ «Национальная гвардія».

2) Какъ видно ниже, телеграфъ, равно какъ телефонъ и желѣзныя дороги, не бездѣйствовали; но ими пользовались лишь сами крамольники, исключительно для революціонныхъ цѣлей.

республики, камергеръ д. ст. совѣтникъ Стояновскій, слѣдовавшій обратно въ Россію и попавшій въ Финляндію вслѣдствіе забастовки с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, проведенъ былъ изъ генераль-губернаторскаго дома чрезъ цѣпь „національной гвардіи“ лишь благодаря содѣйствію директора лопманскаго и маячнаго вѣдомства генераль-маіора по адмиралтейству Шемана, который самъ предложилъ ему свои услуги.

Вслѣдъ за обезоруженіемъ и смѣщеніемъ полиціи, чины корпуса жандармовъ, расквартированные въ Гельсингфорсѣ, въ огражденіе ихъ отъ преслѣдованія, были, по приказанію генераль-губернатора, частью переодѣты въ штатское платье, частью перевезены въ Свеаборгъ. Также приказано было переодѣться и тѣмъ изъ оставшихся вѣрными полицейскихъ чиновъ, которые входили въ составъ охраны генераль-губернатора и продолжали нести развѣдывательную службу. Что же касается полиціймейстера, пробывшаго весь день 18 числа въ домѣ генераль-губернатора, то на другой день и во всѣ послѣдующіе дни онъ совершенно скрылся, такъ что даже самое мѣсто его пребыванія не было извѣстно.

Однимъ изъ первыхъ дѣяній вновь вступившей въ свои обязанности муниципальной полиціи было уничтоженіе повсюду. Царскихъ портретовъ (нѣкоторые найдены въ непристойныхъ мѣстахъ¹⁾), портретовъ генерала-адъютанта Бобрикова, а также св. иконъ. Были случаи возмутительнаго кощунства, что наблюдалось повсемѣстно. Нѣкоторыя подробности тѣхъ условій, при которыхъ прекратилась въ Гельсингфорсѣ дѣятельность законной полиціи, изложены въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени“, отъ потерпѣвшихъ чиновъ полиціи, напечатанномъ въ № 10657. Письмо это особенно рельефно обрисовываетъ двусмысленную роль полиціймейстера и „русскаго“ губернатора полковника Львовскаго²⁾, которые оба выказали не только бездѣйствіе, но прямо можно сказать,—попустительство.

На утро 19-го получены были свѣдѣнія о томъ, что всѣ желѣзныя дороги съ ихъ телеграфомъ и телефоны находятся въ рукахъ революціонеровъ, которые ими пользуются; сообщеніе по государственному телеграфу мѣстами окасалось прекращеннымъ, а самое зданіе телеграфа въ Гельсингфорсѣ подъ строжайшимъ надзоромъ стражниковъ, не пропускавшихъ туда никого безъ контроля содержанія и мѣста назначенія телеграммъ³⁾, закрывшихъ приемъ частныхъ депешъ русскихъ обывателей и одно время даже отказывавшихъ въ приемѣ телеграммъ служебныхъ. Отовсюду доходили свѣдѣнія о

1) Въ одномъ случаѣ такое вверженіе портретовъ Царственной четы произведено было торжественно, при огромномъ стеченіи народа, который радостно кричалъ и аплодировалъ.

2) Только что назначеннаго княземъ Оболенскимъ и, по выраженію князя, долженствовавшего быть „салоннымъ“ губернаторомъ.

3) По собранымъ нынѣ свѣдѣніямъ, многія частныя телеграммы, принятія въ Гельсингфорсѣ и отправленныя въ Гельсингфорсѣ изъ другихъ мѣстъ, такъ и не были доставлены.

формированіи милиціи, кадрами которой служили запасные бывших финскихъ войскъ и ихъ офицеры. Для разсылки приказаній о „мобилизаціи“ сперва отправлены были по деревнямъ концы вѣстовые, а затѣмъ стали дѣйствовать телефоны и даже разосланы были желѣзнодорожные поѣзда для подвоза къ Гельсингфорсу подкрѣпленій, причемъ мятежники образовали для управления дорогами особый пятичленный комитетъ и о переходѣ ихъ въ руки „національной гвардіи“ расклеены были по городу особыя объявленія. „Національная гвардія“ составила преимущественно изъ рабочихъ и простолудиновъ и на третій день безпорядковъ (20 октября) почти вовсе вытѣснила муниципальную полицію. Въ Гельсингфорсѣ во главѣ ея всталъ одинъ изъ видныхъ социаль-демократовъ, бывший штабсъ-капитанъ финскихъ войскъ Кокъ, который и игралъ почти цѣлую недѣлю роль гельсингфорскаго градоначальника. Новая „рабочая“ полиція надѣла красныя повязки, а игравшая роль ея резерва могущественная сила организованныхъ рабочихъ постепенно выказывала все болѣе и болѣе враждебности въ отношеніи шведомановъ.

Съ утра 19-го числа къ генераль-губернатору явился цѣлый рядъ новыхъ депутацій отъ различныхъ политическихъ фракцій. Каждая изъ этихъ депутацій старалась удостовѣрить, что бывшія наканунѣ депутаціи являлись отъ лица одной лишь „улицы“ и что ни одна изъ политическихъ партій не уполномочивала ихъ предъявлять князю требованіе объ уходѣ въ отставку. Въмѣсто этого онѣ настаивали на возможно скорѣйшемъ созывѣ чрезвычайнаго сейма и удовлетвореніи всѣхъ требованій большой петиціи, а кромѣ того добивались дальнѣйшаго развитія „государственной“ организаціи Финляндіи, безъ всякой связи съ нарождающимися новыми началами устройства самой Имперіи.

Кромѣ того, отъ партій старофинской и конституціонной являлись отдѣльныя группы авторитетныхъ лицъ, составленныя, по приглашенію самого князя Оболенскаго, переданному еще наканунѣ вечеромъ вызваннымъ имъ г-дамъ барону Вреде ¹⁾ и Даніэльсону (вице-канцлеру университета, главѣ старофинномановъ). Лицамъ этимъ князь предложилъ, подъ верховнымъ руководствомъ Лео Мехелина, совместно заняться разработкою проектовъ законодательныхъ актовъ, вызываемыхъ настоящимъ положеніемъ. Проекты эти князь желалъ сопоставить съ составленнымъ прошлою ночью сенаторами, въ качествѣ „лебединой пѣсни“, всеподданнѣйшимъ представленіемъ и одновременно съ нимъ представить на Высочайшее благоусмотрѣніе. Однако, старофинны скоро выскользнули изъ

¹⁾ Профессоръ, ярый сепаратистъ, закадычный другъ барона Борна, Мехелина и Антеля; былъ высланъ изъ Финляндіи въ Ревель въ іюнѣ 1904 года, уже по смерти Н. И. Бобрикова, по настоянію товарища министра-статсъ-секретаря Э. Эрнстрема, исполняющаго обязанности канцлера Гельсингфорскаго университета, а въ 1905 году, по возвращеніи изъ высылки, назначенъ, по представленію того-же Эрнстрема, и. д. ректора университета.

подъ ферулы Мехелина и послѣдній всецѣло завладѣлъ дирижерской палочкой. Размахамъ этой палочки повиновался безпрекословно и самъ генераль-губернаторъ, русскій Рюковичъ. Это видно хотя-бы изъ того, что онъ, такъ много въ свое время разглагольствовавшій о необходимости привлеченія представителей Финляндіи въ Государственную Думу и участія послѣдней въ разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ, вдругъ какъ-бы пересталъ замѣчать, что поддерживаемые имъ конституціоналисты добивались не только уничтоженія „Бобриковского режима“, но и сравненія правъ мѣстнаго представительства съ правами общеимперской Думы, тѣмъ самымъ дѣлая излишнимъ и ненужнымъ посылку въ эту Думу депутатовъ отъ Финляндіи и предотвращая напередъ всякое вмѣшательство Думы въ финляндскія дѣла. Только одна изъ рабочихъ партій (къ которой позже отчасти примкнули и старо-финны) рѣзко отдѣлилась отъ этихъ требованій. Она желала, чтобы всеобщее право голоса было проведено не путемъ разработки этого вопроса на сеймѣ, а прямо даровано Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣ чего созданное на новыхъ выборныхъ началахъ мѣстное представительство должно было приступить къ разработкѣ необходимыхъ краю реформъ, въ отношеніи усовершенствованія его внутренняго законодательства. Представители этой партіи, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, не чуждались Государственной Думы и согласны были на участіе въ ней представителей Финляндіи для разрѣшенія общегосударственныхъ вопросовъ: мѣстному-же сейму, при нынѣшней системѣ выборовъ являющемуся представителемъ только „господъ“ (¹/₁₀ части населенія), они ни на волосъ не довѣряли и самая мысль о возможности передачи вопроса о правѣ голоса такому сейму являлась для нихъ источникомъ огромнаго возбужденія. Взаимное нерасположеніе между конституціонной и рабочей партіями настолько возросло, что шведское населеніе города Гельсингфорса стало по ночамъ спѣшно выселяться и многіе изъ мирныхъ обывателей интересовались вопросомъ, когда-же, наконецъ, послѣдуетъ на рабочихъ надлежащее воздѣйствіе со стороны вооруженной силы, дабы заставить ихъ стать на работы и возстановить нормальное теченіе жизни.

Пока все это происходило, „національная гвардія“ изготовлялась повсюду; на площадяхъ и другихъ открытыхъ мѣстахъ городовъ устраивались сомкнутыя ученія, причемъ стройные батальоны „гвардіи“ нерѣдко демонстративно маршировали мимо оконъ казармъ русскихъ войскъ. О мнимой ненадежности русскихъ войскъ тѣмъ временемъ усердно распускалась всякая клевета, проникавшая даже и въ газеты; въ то-же время сами революціонеры забрасывали нижнихъ чиновъ особыми, обращенными къ нимъ прокламаціями, въ которыхъ увѣряли, что солдаты по всей Россіи уже сложили оружіе, что въ Петербургѣ свергнуто правительство и что народъ самъ взялъ бразды правленія въ свои руки. Прокламаціи эти повели еще къ большому озлобленію русскихъ войскъ, нагла-

захъ которыхъ совершалось открыто и безнаказанно самое наглое надругательство и насиліе надъ русскими людьми и русскою властью. По рассказамъ офицеровъ, нижніе чины неоднократно и настойчиво просили о скорѣйшей раздачѣ имъ патроновъ и о выводѣ ихъ изъ казармъ для дѣйствій противъ мятежниковъ. Всѣмъ хотѣлось честно послужить Батюшкѣ Царю и дорогой родиной, а виновника всего переживаемаго позора — не щадили: ему доставалось отъ всей полноты оскорбленнаго русскаго сердца и во всю ширь богатаго русскаго лексикона! Возбуждены были сильно и матросы, особенно на броненосцѣ „Слава“, на которомъ проживалъ послѣ князь Оболенскій. Въ Гельсингфорсѣ упорно ходилъ слухъ, что офицерамъ, для успокоенія команды и во избѣжаніе неожиданныхъ послѣдствій, пришлось убѣждать, что дѣло князя Оболенскаго разсудить самъ Царь.

Ночь на 20-е октября прошла спокойно. Положеніе въ въ этотъ день съ внѣшней стороны не измѣнилось, хотя увеличеніе напряженія выдавалось въ участившихся сходкахъ, въ болѣе правильной организаціи уличнаго обученія толпы военному строю, въ устройствѣ учебной стрѣльбы въ паркѣ Кайсаніеми и въ организаціи по городу сѣти перевязочныхъ пунктовъ, обозначенныхъ красными крестами на фонаряхъ, съ главнымъ въ гостинницѣ Кэмпъ. Упорно циркулировали слухи о массовой доставкѣ въ городъ оружія частью на пароходахъ, частью — по Або-Кариской желѣзной дорогѣ. Раздача оружія производилась тайно; получившіе ружья несли ихъ по улицамъ завернутыми въ газетную бумагу. Лицо, заслуживающее довѣрія, видѣло два пулемета, перевезенныхъ по городу ночью на двуколкахъ. Главная квартира боевой организаціи конституціоналистовъ находилась въ зданіи студенческаго Нюландскаго землячества. Къ вечеру этого дня былъ, наконецъ, изготовленъ проектъ Высочайшаго Манифеста, причѣмъ неоднократно совѣщавшійся съ княземъ Мехелинъ все время торопилъ съ отправкою его по назначенію, ссылаясь на крайне напряженное состояніе умовъ и ежеминутную возможность кровавой вспышки. Составленіемъ Манифеста занимался самъ Мехелинъ, который приносилъ свой трудъ на одобреніе князю Оболенскому. Послѣдній, какъ говорятъ, сдѣлалъ въ немъ лишь нѣкоторыя, ничего незначущія редакціонныя поправки, послѣ чего Манифестъ былъ вновь унесенъ г-номъ Мехелинымъ, для окончательнаго утвержденія совмѣстно съ своими сочленами по революціонному комитету. Возвращенная оттуда собственноручная рукопись г-на Мехелина, подъ названіемъ проекта „авторитетной группы лицъ, руководимой г-номъ Мехелиномъ“, была, по приказанію генераль-губернатора, переписана, со всѣми къ ней приложениями, въ его канцеляріи, подъ личнымъ руководствомъ ея директора, полковника Зейна. На одобреніе Мехелина поступилъ до его подписанія и текстъ препроводительной бумаги такъ, что онъ, Мехелинъ, въ сущности, проконтролировалъ все содержаніе пакета, посылаемаго въ Петербургъ. Въ восемь часовъ вечера,

ходатайство генераль-губернатора объ изданіи Манифеста съ проектами Сената и Мехелина и безъ какого-либо личнаго проекта самого князя Оболенскаго было отправлено Финляндіи на лопманскомъ пароходѣ „Элекент“, съ директоромъ лопманскаго вѣдомства Шеманомъ. Вновь назначенный Киевскимъ губернаторомъ, бывший С. Михельскій губернаторъ, генераль Ватаци, торопившійся въ Петербургъ по службѣ, просилъ захватить и его съ собою, но Шеманъ уклонился отъ этого подъ разными предлогами.

На слѣдующій день, 21-го, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, назначено было въ Успенскомъ Соборѣ обычное богослуженіе. Генераль-губернаторъ выѣхалъ изъ своего дома въ коляскѣ, безъ казачьяго конвоя, который былъ оставленъ въ домѣ его сіятельства. Торговая площадь была оцѣплена національной гвардіей, которая огородила панели шнуромъ, какъ это обыкновенно дѣлалось полиціей, и генераль-губернаторъ прослѣдовалъ отъ самага дома до собора исключительно подъ охраною этой гвардіи. Говорятъ, что накануне вечеромъ „капитанъ“ Іоганъ Кокъ, называвшій себя начальникомъ національной гвардіи, былъ вызванъ въ домъ генераль-губернатора и здѣсь Нюландскій губернаторъ полковникъ Львовскій, совмѣстно съ бургомистромъ Гартманомъ, давали ему необходимыя для слѣдующаго дня указанія. Рассказываютъ также, что князь Оболенскій сперва просилъ у военныхъ властей провести войска, назначенныя на парадъ, мимо генераль-губернаторскаго дома въ такомъ строѣ, чтобы онъ могъ, примкнувъ къ войскамъ, прибыть въ соборъ подъ ихъ прикрытіемъ. Такое употребленіе войскъ военное начальство признало однако неудобнымъ и князь волей-неволей принужденъ былъ вручить охрану своей особы національной гвардіи.

По окончаніи парада, принятаго командиромъ корпуса, русскихъ жителей Гельсингфорса ожидалъ необычайный сюрпризъ. Генераль-губернаторъ съ семействомъ, выѣхавъ изъ собора, исчезъ. По крайней мѣрѣ домой онъ не вернулся и до пяти часовъ дня никто въ городѣ не зналъ, — гдѣ онъ находится. Даже оставшейся въ домѣ прислугѣ и домашнимъ ничего не было извѣстно, а пользовавшійся гостепріимствомъ князя Оболенскаго и приглашенный имъ къ завтраку киевскій губернаторъ тщетно вмѣстѣ со своею женою прождалъ хозяевъ дома до половины четвертаго, когда только узналъ, что они не вернутся!

Исчезновеніе генераль-губернатора породило въ городѣ тревожныя и даже оскорбительныя для достоинства русской власти слухи. Кто говорилъ, что князь захваченъ и арестованъ мятежниками, которые держатъ его въ качествѣ заложника, кто рассказывалъ, что его арестовали русскіе офицеры, видя въ немъ измѣнника; другіе говорили, что онъ самъ предался въ руки крамольниковъ; что онъ бѣжалъ на эскадру, а оттуда черезъ Свеаборгъ переберется въ Ревель, что, нако-

нецъ, онъ погибъ насильственной смертью отъ руки возмущенныхъ его поведениемъ матросовъ „Славы“ и т. д. и т. д. Подъ вліяніемъ этихъ толковъ, всполошились всѣ иностранные консулы, тѣмъ болѣе, что неизвѣстныя лица уже объявили имъ о сверженіи русской власти въ Финляндіи и замѣнѣ ея какимъ-то „временнымъ правительствомъ“, которое въ нихъ никакой нужды не встрѣчаетъ. Взволнованные консулы побѣжали справляться, конечно, прежде всего къ генераль-губернатору. О, радость! Надъ домомъ по прежнему развѣвался русскій флагъ! Значитъ — все благополучно и отъ сердца отлегло. На вопросъ о генераль-губернаторѣ — отвѣтъ швейцара, — увы! — опять вызываетъ сомнѣніе и скорбное недоумѣніе: генераль-губернатора нѣтъ дома, гдѣ — неизвѣстно! Начали бѣдные иностранцы метаться во всѣ стороны за справками и уже отъ какой-то случайно сжалившейся надъ ними доброй души узнали, что и губернаторъ, и генераль-губернаторъ со всею своею канцеляріею находятся на островѣ Скатудденѣ, въ управленіи Свеаборгскаго порта, проводя большую часть своего времени на эскадрѣ, которая прибыла на рейдъ около трехъ часовъ пополудни того-же дня. Консулы отправились уже на другой день 22-го выяснять свое положеніе къ губернатору и были успокоены назначеніемъ къ каждому изъ нихъ въ видѣ охраны поста изъ трехъ вооруженныхъ рядовыхъ, служившаго въ сущности символомъ, что русская власть въ краѣ еще существуетъ. Исключеніемъ былъ одинъ германскій консулъ, который, не наводя никакихъ справокъ и даже не выходя изъ своей квартиры, телеграфировалъ своему правительству просьбу прислать за нимъ германское военное судно.

Около четырехъ часовъ дня, князь Оболенскій изъ порта переѣхалъ на броненосецъ „Славу“, на которомъ, не поднимая на немъ присвоеннаго ему, какъ финляндскому генераль-губернатору, особаго флага, прожилъ до конца октября мѣсяца. Все это время князь почти ежедневно въ срединѣ дня посѣщалъ управленіе порта, гдѣ принималъ депутаціи, доклады и посѣтителей, а къ обѣду снова возвращался къ семьѣ на броненосецъ, гдѣ проводилъ нерѣдко свободные часы за запретнымъ на военныхъ судахъ зеленымъ полемъ.

Разсказываютъ, что князь Оболенскій объяснялъ свой выѣздъ изъ генераль-губернаторскаго дома и переѣздъ на эскадру необходимостью вырваться изъ плѣна и получить „свободу дѣйствій“; говорятъ, что онъ предлагалъ и войскамъ всего гарнизона бросить свои казармы со всѣмъ находящимся въ нихъ имуществомъ и перейти на островъ Скатудденъ, чтобы не рисковать быть окруженными въ казармахъ крамольниками и лишиться водопровода. При этомъ все русское населеніе города князь обѣщалъ распорядиться вывезти частью въ крѣпость Свеаборгъ, а частью — въ Россію¹⁾, для чего

1) На дѣлѣ никого никуда не перевозили, а перетрусившіе сами перебирались въ крѣпость, кто во что гораздъ.

имъ будто-бы и вытребованы соотвѣтствующія средства. Планъ этотъ, однако, какъ видно, не былъ принятъ къ исполненію, вѣроятно потому, что военныя власти не могли и предполагать, чтобы войска, вполне готовые къ дѣйствіямъ и преисполненные духа воинской отваги, должны были думать только о собственной своей охранѣ!

Въ виду поступившихъ къ командиру корпуса вечеромъ 21 числа тревожныхъ извѣстій, ночь на 22 проведена была войсками въ полной бдительности. Боевые фонари эскадры и крѣпости освѣщали городъ, какъ днемъ; войска производили тщательное патрулированіе и установили постоянную между собою связь; черезъ Скатудденскій мостъ въ теченіе ночи былъ прегражденъ всякій доступъ и островъ былъ развѣздами совершенно очищенъ отъ самозванной полиціи и постороннихъ лицъ. Ночь прошла однако спокойно.

Утромъ 22 числа вездѣ развѣшено было отъ забастовщиковъ объявленіе о томъ, что власть надъ городомъ перешла въ руки генераль-лейтенанта барона Зальца. Съ этого-же дня „начальникъ національной гвардіи“ Іоганнъ Кокъ ежедневно сталъ являться къ командиру корпуса и представлять ему, на русскомъ языкѣ¹⁾, рапортъ о благополучіи въ городѣ. Кромѣ того къ корпусному командиру пошли и многіе представители мѣстнаго населенія, которые видимо находились подъ сильнымъ впечатлѣніемъ прихода эскадры и мѣръ, принятыхъ съ вечера и ночью войсками гарнизона. Баронъ Зальца отвѣчалъ всѣмъ въ томъ духѣ, что войска сами первые не тронуть, но если, не дай Богъ, окажется учинено насиліе надъ кѣмъ-либо изъ русскихъ, то неминуемо послѣдуетъ возмездіе. Въ результатъ Кокъ выпустилъ печатное объявленіе, помѣченное 3 ноября новаго стиля, въ которомъ, обращаясь къ русскимъ обывателямъ города Гельсингфорса, удостовѣрялъ, что „национальная гвардія обязана точно слѣдить за порядкомъ и въ особенности заботиться о томъ, чтобы никто изъ русскихъ не подвергался какой-либо опасности или жестокому обращенію“, предлагая пострадавшимъ обращаться въ центральную полицію. Другое однородное литографированное воззваніе распространено было отъ лица „Студенскаго Комитета забастовки“. Значительно позже, а именно 5 и 6 ноября по новому стилю, выпущены были объявленія Нюландскаго губернатора²⁾ безъ обозначенія

1) Отсюда, между прочимъ, видно, что финскіе социаль-демократы относятся по русскому языку съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ конституціоналисты, которые, получивъ всю власть при генераль-губернаторѣ Герардѣ, начали съ самовольнаго изгнанія русскаго языка изъ Сената, вопреки Манифесту 22 Октября.

2) Вотъ ихъ текстъ:

Объявленіе Нюландскаго губернатора.

Въ виду циркулирующихъ по городу слуховъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія русскихъ обывателей, въ цѣляхъ ихъ успокоенія, что ихъ участь одинаково дорога, какъ гражданской такъ и военной властямъ, которыя употребятъ всѣ силы, чтобы не допустить причиненія русскимъ людямъ какого либо вреда или ущерба.

Губернаторъ Полковникъ А. Львовскій.

числа, которыя однако на дѣлѣ дошли только до нѣкоторыхъ русскихъ служащихъ и лицъ прїѣзжихъ, живущихъ въ гостинницахъ. Большинство русскаго населенія города — купцы, торговцы, рабочіе, отставные солдаты и друг. — такъ и не видѣли вовсе этихъ объявленій. А между тѣмъ именно въ этой части русскаго населенія распространилась наибольшая паника, усилившаяся вслѣдствіе полной неизвѣстности о своей судьбѣ и доходившихъ слуховъ самаго зловѣщаго содержанія.

Въ общемъ выводѣ, съ момента переѣзда князя Оболенскаго на броненосецъ „Славу“, обстановка сложилась слѣдующимъ образомъ. Высшій представитель государственной власти въ краѣ избралъ себѣ такое положеніе, чтобы, въ зависимости отъ обстоятельствъ, всегда найти легко возможность снять съ себя всякую отвѣтственность за могущія произойти событія. Военная-же власть, оставаясь все время на мѣстѣ, была фактически лишена всякой инициативы, такъ какъ ей не было опредѣленно предоставлено надлежащей свободы дѣйствій. И въ такихъ чрезвычайныхъ по своей серьезности обстоятельствахъ князь, по свойству своей уклончивой природы, избѣгающей опредѣленныхъ рѣшеній, — остался вѣренъ себѣ.

Около пяти часовъ вечера 22 числа возвратился изъ Петербурга генераль Шеманъ на своемъ „Элекенѣ“. Прибытіе его уже ожидалось и на площади, близъ пристани, толпилось множество народа. Какъ только генераль, въ качествѣ новаго вѣстника мира, вступилъ на берегъ, толпа стала требовать отъ него сообщить содержаніе манифеста, и ему стоило большаго труда освободиться отъ нея. Врученный генераль-губернатору манифестъ былъ его сїательствомъ увезенъ къ себѣ на „Славу“. Вечеромъ на броненосецъ по вызову генераль-губернатора привезены были нѣкоторые изъ бывшихъ сенаторовъ, а также изъ числа „авторитетныхъ лицъ“ группы Мехелина и изъ состава другихъ партій. Изъ нихъ „капитанъ“ Кокъ и Матти Курикка, т. е. представители рабочей демократической партіи, вслѣдствіе „недоразумѣнія“, своевременно не прибыли ¹⁾. Генераль-губернаторъ принялъ приглашенныхъ (изъ которыхъ многіе явились въ визиткахъ) въ полной парадной формѣ и по-русски торжественно прочелъ имъ Высочайшій манифестъ, который тутъ-же былъ переведенъ на шведскій языкъ графомъ Бергомъ. Когда затѣмъ приступлено было къ разсмотрѣнію вопроса о распубликованіи манифеста, однимъ изъ приглашенныхъ сдѣлано было предложеніе собрать сенатъ, въ виду продолжающейся забастовки, на частной квартирѣ. Генераль-губернаторъ не изъявилъ на это согласія, а объявилъ, что обнародованіе манифеста должно быть произведено въ уста-

¹⁾ Приглашенія разсылались генераломъ Шеманомъ, для котораго появленіе названныхъ демократовъ было, надо полагать, не особенно желательно.

новленномъ порядкѣ, т. е. въ зданіи Сената и при условіи прекращенія забастовки и полнаго порядка въ городѣ. Однако копія манифеста были имъ тутъ-же переданы для распространенія во всеобщее свѣдѣніе.

Присутствовавшей тутъ-же бургомистръ Гартманъ ¹⁾ не ручался за немедленное возстановленіе порядка, но надѣялся на достиженіе этого сутками позже. И дѣйствительно, 23-го числа не удалось осуществить сбора сенаторовъ на общее засѣданіе въ сенатѣ. Рабочіе, не удовлетворенные содержаніемъ манифеста, продолжали глухо волноваться и не желали прекращать забастовки.

Къ князю Оболенскому явилась рабочая депутація ²⁾ изъ шести лицъ, которая указывала, что рабочіе уже нѣсколько десятковъ лѣтъ добиваются общаго права голоса и, такъ какъ уже много разъ ихъ обманывали конституціоналисты, то они имъ больше не вѣрятъ и требуютъ, вмѣсто сейма, созыва общаго народнаго собранія, на началахъ, чтобы общаго и равнаго права голоса предварительно прямо дарованнаго съ высоты Престола. Когда князь Оболенскій сослался на манифестъ 22-го октября, возлагающій на сенатъ разработку новаго сеймоваго устава именно на началахъ всеобщаго и равнаго права голоса, то ему отвѣтили, что видѣли какую-то изданную магистратомъ бумагу, но такъ какъ подписи не было, то не могли ей довѣрять. Къ этому было добавлено, что забастовка будетъ продолжаться, пока всѣ требованія рабочихъ не будутъ исполнены. Въ отвѣтъ своемъ князь Оболенскій доказывалъ, что „*Великій Князь Финляндіи, какъ конституціонный Монархъ, не можетъ нарушить основнаго закона о сеймѣ, путемъ созыва народнаго собранія*“ и что выработка новаго закона можетъ быть совершена только при посредствѣ сейма, причѣмъ если этотъ сеймъ не проведетъ измѣненія основнаго закона въ желаемомъ направленіи, то будетъ немедленно созванъ для той же цѣли новый сеймъ. Далѣе князь указалъ, что проектъ манифеста составленъ былъ на основаніи сдѣланнаго имъ сопоставленія взглядовъ всѣхъ партій ³⁾ и что поэтому онъ удивляется, какъ могутъ рабочіе

¹⁾ Которому «красная гвардія» и не думала повиноваться, какъ прежняя «бѣлая» муниципальная полиція.

²⁾ Hufvudstadsbladet. Четвергъ 9-го ноября, № 299. Депутація эта состояла изъ шести членовъ избраннаго рабочими „временнаго правительства“, которое они желали поставить во главѣ управленія краемъ вмѣсто Сената, и предлагали, какъ списокъ своихъ кандидатовъ въ сенаторы. Любопытно, что въ число этихъ 24-хъ кандидатовъ вошли представители самыхъ разнообразныхъ профессій и *партій*; тамъ значатся главари старо-финновъ (Даниэльсонъ) младо-финновъ (Эро Эркко), шведомановъ (Лео Мехелинъ — третьимъ съ конца въ списокѣ); во главѣ списка стоятъ какіе-то ни кому не извѣстные, но вѣроятно, хорошо извѣстные рабочимъ, учителя, доктора, плотники, дорожные мастера и т. д. Словомъ рабочіе приготовили «винегретъ», придавъ въ видѣ умягчающаго масла даже престарѣлаго генерала Рамзая! Но предложеніе ихъ не было принято, какъ не прошелъ и проектъ Линдера о смѣшанномъ шведомано-финоманскомъ сенатѣ: финляндцы получили конституціоналистовъ чистокровныхъ и лучшей стокгольмской закалки!

³⁾ Изъ сказаннаго выше видно, что проектъ этотъ былъ составленъ почти единолично Мехелинымъ, который совѣщался только съ одною своею партіею конституціоналистовъ.

имъ не довольствоваться и продолжать забастовку, которую нельзя понять иначе, какъ протестъ противъ манифеста.

Благодаря вліянію болѣе умѣренныхъ элементовъ, побуждаемыхъ къ тому генераль-губернаторомъ, рабочіе, наконецъ, смягчились и рѣшили временно прекратить забастовку, но все-таки снова просить генераль-губернатора объ удовлетвореніи ихъ требованій. Это подтвердила въ тотъ же вечеръ особая смѣшанная депутація рабочихъ и старофинновъ, въ составъ которыхъ входили нѣкоторые бывшіе сенаторы. Наряду съ изъясненіемъ генераль-губернатору признательности за все имъ сдѣланное для Финляндіи, депутація эта все же просила довести до свѣдѣнія Его Величества о существованіи въ краѣ значительной группы мѣстнаго населенія, „доходящей до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ“, которая „одиноко стоитъ въ сторонѣ и не участвуетъ въ общей радости“. Любопытно, что въ поданномъ старофинской партией всеподданнѣйшемъ адресѣ, — текстъ котораго помѣщенъ былъ въ агентскихъ телеграммахъ, — заключались только вѣрноподданническія чувства и благодарность князю Оболенскому, а упоминанія объ „одиноко стоящей группѣ населенія“ — уже не было. Что же касается до партіи конституціоналистовъ, которая, идя напроломъ, именно и исторгла всѣ свои вождѣнія, то съ ея стороны не было ни всеподданнѣйшихъ адресовъ, ни благодарностей генераль-губернатору.

Зато они поблагодарили его послѣ въ своемъ лейбъ-органѣ „Hufvudstadsbladet“ въ день окончательнаго выѣзда князя изъ Финляндіи, напечатавъ, что „время его генераль-губернаторства отличалось непрерывнымъ колебаніемъ, нерѣшительностью и откладываніемъ наиболѣе важныхъ рѣшеній“ и явилось для исторіи края „эпохою съ неопредѣленной физиономіей“, „періодомъ отсрочекъ и полумѣръ“. Единственною заслугою князя газета считала, что онъ „понялъ требованіе времени и во-время удалился“¹⁾.

24-го числа, въ 11 часовъ утра, манифестъ былъ заслушанъ въ полномъ собраніи сената, состоявшемся въ сенатскомъ зданіи. Толпа народа на Сенатской площади расхватывала разбрасываемые съ сенатскаго перрона отпечатанные экземпляры манифеста. Магазины постепенно открылись, а также возобновилось движеніе извозчиковъ, трамвая, дѣйствіе телефона и т. д. Желѣзнодорожное движеніе окончательно восстановлено лишь 25-го числа. Съ этого только времени начали поступать правильныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ остальныхъ частяхъ края. Вечеромъ Гельсингфорсъ, впервые послѣ празднованія столѣтія дня рожденія Рунеберга, иллюминировался. Во всѣхъ окнахъ горѣли свѣчи. Всюду видѣлись эмблемы русско-финской „уніи“ (скрещенные русскій и „красно-желтый“ флажки); на площади сената игралъ нанятый магистратомъ оркестръ музыки. Оркестръ этотъ — какъ говорятъ, по негласному внушенію — одинъ разъ исполнилъ

1) № 309 отъ 19 ноября нов. стили.

„Боже Царя Храни“, принятое совершенно безучастно, послѣ чего немедленно перешелъ къ излюбленному патріотическому репертуару, съ извѣстнымъ „Бьернеборгскимъ маршемъ“ и „Вортландомъ“ во главѣ, которые были восторженно пропѣты многотысячною толпою, съ криками „Элекенъ“¹⁾ въ честь „отечества“.

На другой день, въ два часа на той-же Сенатской площади собрались забастовщики и, подъ сѣнью красныхъ хоругвей своихъ, торжественно постановили приостановить забастовку до начала занятій сейма, изъ образа дѣйствій котораго выяснится затѣмъ, понадобится-ли имъ вновь прибѣгать къ ней.

Князь Оболенскій послѣ того провелъ еще около недѣли на броненосцѣ „Слава“. По городу ходили смутныя слухи, постепенно принимавшіе все болѣе и болѣе опредѣленную форму, сперва о томъ, что князь на берегъ не съѣдетъ, а прямо подъ конвоемъ эскадры пойдетъ въ Петербургъ, для доклада Государю, затѣмъ о томъ, что князь подалъ въ отставку и что эта отставка принята и, наконецъ, о томъ, что эта отставка не добровольная. Сомнѣнія были окончательно разрѣшены, когда 4-го ноября въ пятницу утромъ по Гельсингфорсу распространены были экстренныя прибавленія, возвѣщавшія о временномъ возложеніи должности генераль-губернатора на командира 22-го армейскаго корпуса, генераль-лейтенанта барона Зальца. Дня за четыре передъ тѣмъ, князь неожиданно переѣхалъ съ броненосца „Слава“ въ свой домъ, гдѣ успѣлъ принять нѣсколько служебныхъ докладовъ; еще раньше его посѣтилъ товарищъ министра статсъ-секретаря Эрштремъ, который, какъ говорятъ, увезъ съ собою въ Петербургъ всѣ необходимыя матеріалы для составленія всеподданнѣйшаго доклада о происшедшихъ событіяхъ. Такимъ образомъ, изложеніе хода финляндской революціи предрѣшено было произвести не на мѣстѣ самыхъ событій, а въ Петербургѣ, и притомъ при непрямомъ участіи Эрштрема, въ преданности котораго себѣ и расположеніи къ финляндцамъ князь могъ быть вполне увѣренъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, такой способъ составленія всеподданнѣйшаго доклада устранялъ отъ участія въ этомъ всѣхъ очевидцевъ, которые, конечно, одни и могли дать правдивыя свѣдѣнія и пролить свѣтъ на все это дѣло. Какъ слышно, предполагалось еще и составленіе, подъ руководствомъ того же Эрштрема, официальнаго правительственнаго сообщенія о финляндскихъ событіяхъ, якобы въ цѣляхъ опроверженія ложныхъ и извращенныхъ газетныхъ и телеграфныхъ извѣстій; однако, сообщеніе это до сихъ поръ такъ и не появилось. Такимъ образомъ вышло, что на ряду съ появленіемъ за послѣднее время многочисленныхъ правительственныхъ сообщеній, нерѣдко по относительнымъ мелочамъ, событіе столь капитальной важности, какъ революція въ Финляндіи, осталось официально безъ всякаго освѣщенія. Быть можетъ, причиною тому служить то обстоятельство, что изложеніе этихъ

1) Финское „да здравствуетъ!“

волновавшихъ все русское общество событій въ печати, на основаніи вполнѣ точныхъ документовъ и показаній очевидцевъ, настолько подробно и ярко освѣтило поведеніе князя Оболенскаго и нѣкоторыхъ губернаторовъ, что всякія дальнѣйшія старанія оправдать это поведеніе могли бы оказать лишь медвѣжью услугу ¹⁾.

Послѣдніе дни своего генераль-губернаторства князь посвятилъ, собственно говоря, двумъ вещамъ: роспуску и вознагражденію „національной гвардіи“, а затѣмъ составленію въ Петергофѣ телеграммъ, въ которыхъ описывалось хоровое пѣніе тысячами благодарныхъ финновъ гимна „Боже Царя храни“, возложеніе вѣнковъ и цвѣтовъ къ Царскому Трону, изъявленіе благодарностей со стороны иностранныхъ консуловъ за ихъ „охрану“ и тому подобныя идиллическія картины.

Принявъ въ послѣдній разъ начальника „національной гвардіи“, капитана Кока, князь благодарилъ его за образцовый порядокъ въ городѣ и даже облобызаль! Поощренный свыше мѣры Кокъ, распуская свой шести-тысячный корпусъ, произнесъ зажигательную рѣчь, въ которой указаль на „быстроту и натискъ“, проявленные гвардейцами при сборѣ. Если даже въ первый разъ призыва они вполнѣ доказали полную свою пригодность къ „дѣлу“, то это является надежнымъ ручательствомъ на будущее ²⁾.

Мало этого, бывшій сенатъ, по совѣту князя, вошелъ съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о разрѣшеніи выдать въ награду „гвардейцамъ“ за ихъ труды 160.000 марокъ, что вызвало даже протесты въ печати со стороны самихъ забастовщиковъ. Наряду съ этимъ, всѣмъ русскимъ полицейскимъ, обращавшимся за помощью къ властямъ, было объявлено, что они измѣнники, и что только послѣ надлежащаго разслѣдованія о каждомъ изъ нихъ, можетъ быть приступлено къ оцѣнкѣ ихъ ходатайствъ ³⁾.

Въ этотъ же промежутокъ времени, между 25-мъ октября и 6-мъ ноября, постепенно стекались въ Гельсингфорсъ вѣсти о томъ, что происходило въ другихъ мѣстностяхъ Финляндіи. Свѣдѣнія эти дополнили собою общій фонъ безотрадной картины всеобщаго бездѣйствія власти и безсилія отдѣльныхъ, вѣрныхъ присягъ, должностныхъ лицъ что-либо предпринять при полномъ отсутствіи какой-либо внѣшней поддержки.

Во всѣхъ тѣхъ пунктахъ Финляндіи, гдѣ не имѣлось войскъ, жандармскіе офицеры и унтеръ-офицеры, всюду оставшіеся вѣрными своему долгу, были предательски арестованы

¹⁾ Яркій примѣръ такой неудачной попытки являетъ собою письмо брата князя, кн. А. М. Оболенскаго, помѣщенное въ „Новомъ Времени“, въ которомъ онъ весьма забавно доказываетъ, что морское училище даетъ высшее образованіе и какой административный опытъ даетъ должность предводителя дворянства.

²⁾ Это и оправдалось уже весьма скоро, при организаціи „національной стражи“. См. телеграмму въ «Новомъ Времени» отъ 24-го ноября.

³⁾ См. «Новое Время» № 10657. Письмо русскихъ полицейскихъ г. Гельсингфорса и «опроверженіе» г-на Дидрикса.

и обезоружены, причемъ нѣкоторые подверглись жестокимъ оскорбленіямъ, насмѣшкамъ и насиліямъ; со многихъ срывали одежду или внѣшнія знаки отличія,—погоны, пуговицы ¹⁾; раздѣляли до гола и выгоняли изъ дому; одинъ жандармскій унтеръ-офицеръ былъ убитъ, при самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ. Заарестовавшіе жандармовъ изъ Кеми и Торнео вооруженные бунтовщики, ночью, когда истомленные физически и нравственно жандармы забылись сномъ, открыли по спящимъ огонь изъ револьверовъ, причемъ, смертельно ранили лишь одного безоружнаго человѣка. Вообще подробности насилій надъ жандармами, по своей гнусности и лютоści, неподдаются никакому описанію и нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ жертвъ непоколебимой преданности долгу лишились разсудка, отъ нервныхъ потрясеній. Рекомендуемъ нашимъ защитникамъ финляндской культуры поближе познакомиться съ этими подвигами ²⁾. Полиція почти вездѣ была смѣшена и замѣнена подчиненными магистратамъ добровольцами. Въ Таммерфорсѣ и Коткѣ, гдѣ полиціею назначены изъ Россіи, и первый—даже русскій уроженецъ,—потребовали ихъ немедленнаго выѣзда и они перешли подъ охрану ближайшихъ гарнизоновъ. Русскаго ландссекретаря Або-Бьернборгской губерніи Хозяинова, при помощи только военной охраны удалось перевезти въ казармы, оградивъ отъ разъяренной толпы, готовившейся его растерзать. Злобу свою бунтовщики выместили на его квартирѣ, гдѣ попортили и растаскали часть имущества. Вазанскій губерн. Книповичъ счелъ также болѣе благоразумнымъ перейти подъ охрану войскъ; тоже сдѣлалъ и С. Михельскій ландссекретарь, финнъ Вуориненъ. Что-же касается и. д. Улеборгскаго губернатора Ротстрема, то онъ попросту скрылся. Отъ Куопіоскаго губернатора, финляндца Берга, потребовали немедленнаго выѣзда, но не дали ему ни лошадей, ни поѣзда, и онъ бѣжалъ изъ города на лодкѣ.

Во главѣ движенія въ Абоской губерніи стоялъ графъ Армфельтъ, ~~бывшій товарищъ министра, статсъ-секретаря (по Числу) и пріятель губернатора Боргенстрема, который посѣщаль его накануне.~~ Всѣ старанія этого губернатора были

¹⁾ Какъ было, напримѣръ, съ жандармами, изганными изъ Торнео и Кеми.

²⁾ Въ Юенсуу жандармскій унтеръ-офицеръ Бѣляевъ скрылся раздѣтымъ и съ оружіемъ, въ лѣсъ, гдѣ и пробылъ болѣе девяти часовъ, отмороживъ ноги. Изъ Улеборга десятерыхъ жандармовъ вывезли на лоцманскомъ пароходѣ въ трюмѣ, размѣромъ не болѣе двухъ кубическихъ сажень и еще переполненномъ товаромъ. Воздухъ былъ такъ спертъ, что люди теряли сознаніе. Въ этой клѣткѣ они пробыли болѣе 52-хъ часовъ! Въ Юенсуу, обезоруживая силою жандарма, его подвергли пыткѣ, выгибая внаружу ручные пальцы, причемъ одинъ изъ мятежниковъ сказалъ: „вотъ какъ финны поступаютъ съ русскими!“ Изъ Каска и Кристинестада жандармскіе унтеръ-офицеры изгнаны вооруженными командами *подъ предводительствомъ бывшихъ финскихъ офицеровъ*, причемъ послѣдній—въ тотъ моментъ, когда жена его разрѣшалась отъ бремени! Немудрено, что были жандармы, которые лишились разсудка!

направлены исключительно къ тому, чтобы изолировать военныя власти и интернировать войска въ казармахъ, дабы они не могли помѣшать ходу революціи. Нарядъ для охраны тюрьмы ¹⁾, по требованію губернатора, былъ передвинуть кружнымъ восьмиверстнымъ путемъ; прочіе наряды посылались безъ ружей; въ присутствіи губернатора произведено было толпою вынесеніе изъ гофгерихта, городского магистрата, полицейскаго управленія и лицеевъ портретовъ Государя Императора ²⁾, которые тутъ же были проколоты и брошены въ рѣку! Такому же поруганію подвергли и портретъ бывшаго президента гофгерихта, Стренга, при которомъ разбиралось дѣло Шаумана, а двухъ членовъ гофгерихта, высказавшихся за смертную казнь Хогенталя, вытащили на улицу, били, плевали имъ въ ротъ! Слухи обо всѣмъ этомъ дошли до казармъ, и вѣсть объ оскорбленіи Царскихъ портретовъ ³⁾ вызвала среди нижнихъ чиновъ, и особенно казаковъ, крайнее волненіе и раздраженіе: большого труда стоило начальству сдерживать ихъ.

Выборгскій губернаторъ, баронъ Медемъ, безпрекословно исполнялъ всѣ требованія революціонеровъ, и даже дошелъ до того, что послѣ манифеста 22-го сентября сталъ писать бумаги въ канцелярію финляндскаго генераль-губернатора на финскомъ языкѣ! Всѣхъ задержанныхъ жандармами главарей возстанія по Выборгской губерніи, прибывшихъ съ поѣздомъ изъ Гельсингфорса ⁴⁾, губернаторъ отпустилъ и вернулъ имъ всѣ отобранные у нихъ весьма важныя документы, устанавливающие подготовку къ вооруженному возстанію. Только съ объявленіемъ крѣпости на военномъ положеніи (къ сожалѣнію, поздно и только на одинъ день) власть въ городѣ вырвана была изъ рукъ революціонеровъ и комендантомъ, генераломъ Вишняковымъ, была водворена на свои мѣста законная полиція, подкрѣпленная вооруженными рядовыми. Военныя власти водворяли здѣсь на мѣста и сорванные русскіе флаги. Особенно торжественно, въ присутствіи всѣхъ чиновъ губернскаго правленія и подъ звуки „Боже Царя Храни“, совершено было это водвореніе въ С. Михелѣ.

Изъ всѣхъ губернскихъ правленій все время нормально функционировало только одно Тавастгусское. Экенескій ленсманъ Жадвойнъ и Ловизскій Сюннербергъ принуждены были пѣшкомъ придти въ Гельсингфорсъ, бросивъ свои участки; тоже заставили

¹⁾ Гдѣ содержится Рейника, покушавшійся на жизнь бывшаго Выборгскаго губернатора Мясоѣдова; его намѣревалась толпа освободить.

²⁾ Которые были при Н. И. Бобриковѣ обязательно водворены во всѣ присутственныя мѣста и учебныя заведенія. Раньше тамъ помѣщались только „патріоты“, да жертвователи или картины антиправительственнаго содержанія, вродѣ извѣстнаго «Anfall» («Нападеніе» двухглаваго орла на дѣвушку—Финляндію)

³⁾ Такія-же оскорбленія произведены во многихъ мѣстахъ—между прочимъ во всѣхъ Гельсингфорскихъ участкахъ, — причѣмъ царскіе портреты и даже святыя иконы ввергались въ отхожія мѣста!

⁴⁾ Это доказываетъ, между прочимъ, что дороги у бунтовщиковъ работали.

сдѣлать нѣкоторыхъ жандармовъ и секретаря Боргоской полиціи Уотилу. Въ Выборгской губерніи изгнали четырнадцать коронныхъ фохтовъ и ленсмановъ, инспектора народныхъ школъ Лебедева, священника Зотикова, нѣсколькихъ русскихъ учителей и учительницъ и купцовъ, извѣстныхъ своею преданностью русскому дѣлу. Въ Сердоболѣ разогнали русскую школу съ 30-ю учениками, отобрали школьную кассу, а предсѣдателя школьной дирекціи, Сердобольскаго уѣзднаго воинскаго начальника подподковника Ильтонова выгнали со всею его командою и семьею изъ города и онъ принужденъ былъ совершить 140 верстный переходъ пѣшкомъ изъ Сердоболя въ Выборгъ, причѣмъ пытались его отравить и производили на него вооруженныя нападенія, во время которыхъ едва не убили дочь и застрѣлили лошадь ¹⁾.

6-го ноября съ курьерскимъ поѣздомъ генераль-адъютантъ, князь Оболенскій—уже болѣе не финляндскій генераль-губернаторъ—окончательно выѣхалъ изъ Финляндіи. На вокзалѣ провожали двое-трое приближенныхъ, канцелярія генераль-губернатора по приказанію ея директора, и только одинъ изъ бывшихъ сенаторовъ. Военные, а также финляндцы и русское общество—отсутствовали. „Не поминайте лихомъ“, было послѣдними словами отъѣзжавшаго...

Слова эти звучали какъ бы отголоскомъ того, что творилось на свѣсти у этого, все же русскаго, родовитаго человѣка. Намъ думается, по крайней мѣрѣ, что такъ должно было быть...

Однако, помянуть добромъ князя Оболенскаго было бы мудрено русскому человѣку... Закончивъ фактическое описаніе октябрьской революціи въ Финляндіи, намъ кажется необходимымъ, для уясненія русскимъ читателямъ, какая почва такъ облегчила ея подготовку и небывалый успѣхъ, бросить хоть бѣглый взглядъ на общій характеръ управленія Финляндіей за тѣ четырнадцать мѣсяцевъ, когда тамъ генераль-губернаторствовалъ князь Оболенскій.

Съ перваго дня вступленія князя на финляндскую землю, русскіе обыватели Финляндіи, какъ служащіе, такъ и не служащіе, чувствовали со стороны начальника края какое-то обидное для русскаго національнаго чувства равнодушіе, чтобъ не сказать презрѣніе. Все русское какъ бы перестало существовать; даже небрежное и невнимательное отношеніе къ дѣламъ русскихъ благотворительныхъ кружковъ и обществъ, пользовавшихся особымъ попеченіемъ высшей власти въ краѣ не только при Н. И. Бобриковѣ, но и при его предшественникахъ, графахъ Адлербергъ и Гейденъ, не могло не производить на русскихъ людей самаго неблагоприятнаго впечатлѣнія. Благотворительность и русское школьное дѣло, также находящееся въ вѣдѣніи „Русскаго благотворительнаго общества въ Финляндіи“, имѣютъ здѣсь въ краѣ весьма важное значеніе, не только этическое, но и политическое. Точно также

¹⁾ Подробный оффиціальный рапортъ Ильтонова по начальству былъ напечатанъ въ „Новомъ Времени“ и перепечатанъ многими газетами.

важны и заботы о Православной церкви и попечительное отношеніе къ ея нуждамъ. Всѣ эти стороны дѣятельности генераль-губернатора культивировались прежними начальниками края, а уже Н. И. Бобриковъ и его супруга Елизавета Ивановна, можно сказать, самоотверженно посвящали все остающееся въ ихъ распоряженіи время на дѣло русскаго призрѣнія, русской Церкви, русской школы. За то, сколько новыхъ храмовъ возникло въ Финляндіи за это шестилѣтіе, сколько выросло за то же время разсадниковъ русскаго просвѣщенія, сколько собрано и употреблено съ пользою денежныхъ средствъ! О томъ же, что было при князѣ Оболенскомъ въ этой области—достаточно спросить тѣхъ русскихъ бѣдняковъ, которые къ нему обращались. Какъ относился князь къ православной церкви, видно изъ того, что онъ даже почти не посѣщаль официальныхъ церковныхъ службъ въ высокочественные Царскіе дни, а въ день храмоваго праздника Гельсингфорскаго Успенскаго собора (15 августа) пріѣхалъ въ церковь по окончаніи обѣдни и молебна, въ срединѣ пастырскаго слова. Очевидно, это сильно роняло его престижъ въ глазахъ русскихъ людей, особенно простого класса. По школьному же вопросу, дѣло ограничилось однимъ многословіемъ и ни на шагъ впередъ не подвинулось. Дѣлая официальный объѣздъ всей Финляндіи, князь совершенно игнорировалъ Выборгскую губернію,—средоточіе православнаго населенія,—ограничившись, въ видѣ туриста, осмотромъ лишь красотъ Иматры и наблюденіемъ за тѣмъ, какой эффектъ происходитъ съ бросающимися въ водонадъ деревянными куклами. Выборгская губернія—колыбель финляндскаго православія, въ ней кафедра архіепископа финляндскаго, въ ней масса русскихъ церквей и школъ, въ ней древнія обители и святыни, Валаамская и Коневская, въ ней города Кексгольмъ (древняя Корела) и Сердоболь. Все это было обойдено и оставлено въ сторонѣ; архипастыря же князь не посѣтилъ вовсе и только въ первый его пріѣздъ въ Гельсингфорсъ встрѣчалъ и принималъ у себя въ домѣ, чуждаясь вообще православнаго духовенства. Наконецъ, важному вопросу о систематическомъ офинненіи кореловъ, еще тяготящихся къ Россіи и русскимъ, и значенію въ этомъ отношеніи Сердобольской семинаріи, что тщательно изучалось при Бобриковѣ, князь Оболенскій не придавалъ, значенія, такъ какъ не подвинулся въ этомъ дѣлѣ ни на іоту и даже ни разу имъ не поинтересовался.

Наряду съ такимъ равнодушіемъ ко всему тому, что близко русскому сердцу, а главное—имѣетъ огромное государственное значеніе, — русскіе люди замѣчали небывалую доселѣ и обидную для ихъ національнаго чувства изысканную любезность по отношенію къ финляндцамъ, особенно шведамъ. Проявилось это съ перваго дня пріѣзда, когда русскіе служащіе были болѣе чѣмъ сухо приняты и, вмѣсто словъ привѣта или ободренія, столь цѣннаго для нихъ послѣ утраты такого начальника, какимъ былъ покойный Н. И. Бобриковъ, они услышали только мимолетное замѣчаніе о томъ, что ихъ „слишкомъ

много“, и черствое заявленіе, что всякій, „соотвѣтствующій своему мѣсту, будетъ оставленъ на своемъ мѣстѣ“. А рядомъ съ этимъ, весьма невнимательный въ дѣлѣ визитовъ и ихъ отдачи русскимъ, новый генераль-губернаторъ тщательно и прежде всего посѣтилъ всѣхъ шведовъ, и каждому, даже завѣдомымъ крамольникамъ, неукоснительно отдавалъ визиты. Впослѣдствіи онъ не потрудился навѣстить ни разу на одрѣ болѣзни раненаго на своемъ посту, Выборгскаго губернатора Мясоѣдова, хотя неоднократно проѣзжалъ въ то время черезъ Выборгъ. Въ предпринятый княземъ, первый и единственный объѣздъ Финляндіи, носившій характеръ не инспекціи, а какой-то увеселительной поѣздки ¹⁾, были взяты имъ въ спутники и повѣренные финляндскіе сенаторы, а не тѣ изъ ближайшихъ сотрудниковъ покойнаго генераль-губернатора, которые могли бы дать ему правдивыя и точныя обо всемъ свѣдѣнія; изъ русскихъ чиновниковъ назначены были лишь стоявшіе по служебному положенію въ сторонѣ отъ текущихъ дѣлъ, да и то къ ихъ услугамъ прибѣгали лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; предпочтительнѣе всего служилъ посредникомъ сенаторъ Бергбомъ, съ пріобрѣтеніемъ, еще при Бобриковѣ, Высочайше пожалованнаго дворянства, перелицованный въ финна—Вуоренхеймо. Этотъ Вуоренхеймо постоянно служилъ переводчикомъ, причемъ, по плохому ли знанію русскаго языка или по другимъ причинамъ, но рѣчи въ его переводѣ всегда расходились съ оригинальными словами князя или къ нему обращавшихся ораторовъ ²⁾.

Въ первые мѣсяцы пребыванія князя въ Гельсингфорсъ генераль-губернаторскій домъ буквально былъ осажденъ шведами „всѣхъ племенъ, нарѣчій и состояній“. Должно быть, добрые люди позаботились подать соотвѣтствующій сигналъ,—но всѣ повылѣзли разомъ изъ шелей: и отставленные сенаторы, и отрѣшенные Высочайшею властью губернаторы и выгнанные со службы за крамолу чиновники и даже завѣдомые члены революціонныхъ организацій, предназначенные къ административной высылкѣ бывшимъ генераль-губернаторомъ и висѣвшіе отъ нея на волоскѣ. Если взять за указанное время адъютантскую книгу посѣтителей изъ пріемной въ генераль-губернаторскомъ домѣ въ Гельсингфорсъ, то по записямъ ея можно сдѣлать довольно интересные выводы: точно цѣлый архивъ разомъ всколыхнули и высыпали, какъ горохъ на лопату! Все это дружно обивало княжескіе пороги и въ Петербургъ, и въ Гельсингфорсъ; каждаго посѣтителя — разъ только это былъ мѣстный аборигенъ—всегда немедленно допускали и надѣляли продолжительной бесѣдой, нисколько не стѣсняясь часами обычнаго пріема или доклада.

1) Для развлеченія былъ взятъ съ собою даже одинъ изъ близкихъ пріятелей.

2) Вообще замѣчено было неоднократно, что обращенія князя Оболенскаго къ депутатамъ, въ официальной «Финляндской Газетѣ» значительно исправлялись и сокращались, не сходясь съ сообщеніями мѣстныхъ газетъ.

Какъ такой порядокъ отражался на успѣхѣ служебныхъ дѣлъ—предоставляемъ судить читателямъ. У Н. И. Бобрікова весь день посвященъ былъ службѣ, начиная съ 9 часовъ утра и до поздняго вечера, не считая передобѣденной прогулки и часоваго сна послѣ обѣда, послѣ котораго, ровно въ восемь часовъ, возобновлялись занятія. У князя Оболенскаго служебный приемъ былъ назначенъ въ 11 часовъ, обыкновенно-же начинался въ половинѣ двѣнадцатаго, часто даже—въ двѣнадцать. Завтраки занимали время отъ часу до половины третьяго, а бывало и до трехъ, послѣ чего рѣдко можно было уловить время для дѣла; тутъ уже наступалъ „потѣхъ часъ“, продолжавшійся до поздняго вечера и состоявшій изъ смѣны винта, кэкъ-уока, цыганскихъ пѣсенъ, музыки и прочихъ развлеченій... При такихъ условіяхъ мудрено было уллучить время для дѣловаго доклада и приемная генераль-губернаторскаго дома превратилась въ обычное мѣсто засѣданій „чающихъ движенія воды“ должностныхъ и другихъ лицъ, съ портфелями и безъ портфелей...

Въ ноябрѣ 1904 года, по возвращеніи изъ Петербурга, князь привезъ съ собою барона Раушъ-фонъ-Траубенберга ¹⁾, зятя бывшаго финляндскаго генераль-губернатора графа Гейдена, имѣющаго много знакомыхъ среди гельсингфорскихъ шведовъ. Обѣхавъ всѣхъ этихъ лицъ и принявъ отвѣтные визиты, баронъ устроилъ въ домѣ князя для нихъ обѣдъ, на который, кромѣ хозяевъ дома, были приглашены и нѣкоторые тогдашніе сенаторы со своимъ вице-предсѣдателемъ, позднѣе финляндскимъ министромъ—статсъ-секретаремъ К. К. Линдеромъ. Встрѣча сенаторовъ старофинновъ со своими заклятыми врагами шведами, изъ коихъ многіе принадлежали къ ярымъ членамъ „кагала“, едва-ли вышла особенно „сердечной“, скорѣе всего она должна была вызвать на лица обѣихъ сторонъ глубокое недоумѣніе...

6-го декабря въ высокаторжественный день тезоименитства Государа Императора, по окончаніи богослуженія, покойный генераль-адъютантъ Бобріковъ обыкновенно приглашалъ къ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ въ соборѣ къ парадному завтраку, за которымъ торжественно провозглашалъ здравицу Державному Именинику. Князь же Оболенскій въ этотъ день, не пригласивъ къ себѣ никого, принялъ самъ приглашеніе на завтракъ къ лоцъ-директору Николаю Шеману, который въ присутствіи многочисленныхъ созванныхъ имъ шведовъ, въ особой застольной рѣчи уподоблялъ князя „восходящему солнцу, озарившему финляндскую землю, прогнавъ мракъ и разсѣявъ тучи“. Вечеромъ того же дня, на данномъ отъ Высочайшаго имени въ залахъ Гельсингфорскаго Император-

¹⁾ Пользуясь гостеприимствомъ князя, баронъ, между прочимъ, имѣлъ случай ознакомиться съ секретнымъ всеподданѣйшимъ отчетомъ генераль-губернатора Бобрікова за 1898—1902 годы. Спустя нѣкоторое время отчетъ этотъ былъ изданъ на шведскомъ языкѣ въ Стокгольмѣ, а выдержки изъ него печатались въ гельсингфорскихъ газетахъ.

скаго дворца сеймовомъ обѣдѣ присутствовали, въ числѣ приглашенныхъ княземъ, отрѣшенные отъ должностей Государемъ губернаторы, уволенные сенаторы и другія лица завѣдомо антиправительственнаго направленія. За то число приглашенныхъ русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ значительно было сокращено (обошли даже начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ) и разсадили ихъ притомъ въ перемежку съ крамольниками...

Всѣ эти факты, взятые на выдержку, въ связи съ многими другими, не могли не привести къ тому, что фонды князя въ глазахъ русскаго общества упали весьма низко. Разочарованіе было тѣмъ рѣзче, что прибытію князя предшествовалъ о немъ отзывъ, какъ о человѣкѣ вполне русскомъ и весьма способномъ подавить финляндскую крамолу, что его назначеніе замѣстителемъ Н. И. Бобрікова горячо привѣтствовали такія газеты, какъ „Новое Время“, „Московскія Вѣдомости“, „Свѣтъ“, стоявшія всегда за твердую политику въ отношеніи Финляндіи ¹⁾.

И вотъ, когда въ пасхальную ночь князь, по примѣру Н. И. Бобрікова, устроилъ у себя общее разговорнѣе, русскіе собрались на его приглашеніе весьма неохотно и приближеннымъ князя стоило большихъ хлопотъ и усилій добиться достаточно приличнаго многолюдства. Да и то большинство уѣхало послѣ самаго короткаго пребыванія въ генераль-губернаторскомъ домѣ, достаточно для соблюденія необходимыхъ приличій, и большая часть заготовленныхъ обильныхъ яствъ осталось нетронутой...

Трудами Бобрікова и русскихъ губернаторовъ мѣстная полиція доведена была въ своемъ составѣ до такого положенія, что русская власть могла считать ее своимъ органомъ и на нее опираться. Финляндцамъ трудно было вырвать эту опору и вотъ полицію стали дезорганизовать и развращать, возбуждая противъ нее травлю въ газетахъ и предпринявъ цѣлый рядъ судебныхъ обвиненій въ политическомъ провокаторствѣ.

Изъ дѣлъ этого рода особенно прогремѣло по всей Финляндіи дѣло помощника гельсингфорскаго полиціимейстера Андросова и комиссара Павлуцкаго, обвиняемыхъ въ томъ, что они во время январскихъ беспорядковъ подкупали мальчишекъ для разбитія оконъ въ редакціи „Uusi Suometar“

¹⁾ Наоборотъ, финляндцы въ заграничной печати встрѣтили назначеніе князя единодушнымъ воплемъ негодованія, считая это яснымъ чимпотомомъ продолженія «политики насилія». «Выборъ царя доказываетъ, что Бобріковская система будетъ примѣняться еще строже и назначеніе князя Оболенскаго ничего хорошаго для Финляндіи не предвѣщаетъ» (Göteborgs Handel och sjofart Tidning). «Правительство рѣшило съѣчь Финляндію не розгами, а скорпіонами» (Münchener Neueste Nachrichten отъ 7 іюля). „Neue Freie Presse“ считала назначеніе Оболенскаго „отвѣтомъ правительства на убійство Бобрікова“. Знаменательно, однако, указаніе „Berliner Tageblatt“ (отъ 6 іюня), что въ бытность князя симбирскимъ предводителемъ дворянства, онъ считался краснымъ и даже радикаломъ, постоянно воюя съ начальникомъ губерніи, и только съ назначеніемъ его самого Херсонскимъ губернаторомъ «его либерализму внезапно наступилъ конецъ».

и даже сами участвовали въ этомъ дѣйстви, переодѣтыми въ статское. Главною цѣлью этого процесса было навести „тѣнь“ на высшія русскія власти, якобы, умышленно потворствовавшія провокаторской дѣятельности полиціи. вмѣсто того, чтобы либо совершенно пресѣчь возможность такихъ завѣдомо ложныхъ обвиненій полиціи, предпринятыхъ Гельсингфорскимъ городскимъ фискаломъ 1) изъ чисто политическихъ побужденій, по приказу революціонеровъ, либо путемъ передачи дѣла русскимъ судебнымъ властямъ, вывести весь заговоръ на свѣжую воду, князь Оболенскій устроилъ крайне унижительную для русской власти комедию съ уклоненіемъ обоихъ названныхъ полицейскихъ офицеровъ отъ явки въ судъ, что тянулось все лѣто и въ результатъ, обоихъ перевели на службу въ Россію. Очевидно, что такимъ способомъ дѣйствій скорѣе всего убѣдили мѣстное общественное мнѣніе въ справедливости предъявленныхъ обвиненій и распространяемыхъ слуховъ и подозрѣній, а русскую полицію совершенно дезорганизовали: она утратила всякую вѣру въ начальство и въ достаточноую обезпеченность своего положенія.

Надо сказать еще и то, что во время охоты, устроенной въ это время городскимъ фискаломъ за обвиненными имъ чинами полиціи, обнаружилось, что въ распоряженіи этого фискала образовалось нѣчто вродѣ своей полиціи или агентуры, чины которой, во время октябрьскаго переворота, несомнѣнно послужили кадромъ для образовавшейся въ городѣ самозванной охраны

Не касаясь подробно поведенія князя во время сейма, достаточно упомянуть, что возвращенные имъ и Эрштремомъ изъ изгнанія главные вожаки крамолы, получивъ первенствующее вліяніе на всѣ дѣйствія сейма, совершенно игнорировали присутствіе въ краѣ русскаго генераль-губернатора, который съ такимъ положеніемъ, повидимому, мирился. вмѣшательство его ограничилось лишь требованіемъ сокращенія крайне nepозволительной по содержанію рѣчи тальмана горожанъ на торжествѣ открытія сейма. О бездѣятельности сейма, который забастовалъ въ ожиданіи разрѣшенія „большой петиціи“, князь лишь всеноданнѣйше доносилъ въ своихъ запискахъ, но никакихъ способовъ устранить такое положеніе не предлагалъ. Насколько извѣстно, въ распоряженіи князя имѣлся документъ, дававшій ему возможность распустить сеймъ ранѣе срока (что предусмотрено сеймовымъ уставомъ); какъ говорятъ, онъ показывалъ даже этотъ документъ Мехелину, но вѣроятно финляндцы имѣли основаніе быть увѣренными, что князь, по недостатку ли смѣлости, или по другимъ причинамъ, никогда имъ не воспользуется, ибо они продолжали свою тактику, ничуть не стѣсняясь.

Вообще надо сказать, что Мехелинъ со времени своего возвращенія изъ изгнанія, сдѣлался не только близкимъ членомъ товарища министра-статсъ-секретаря Эрштрема, но

1) По нашему—прокуроромъ.

и постояннымъ посѣтителемъ князя Оболенскаго 1). Онъ проживалъ у него цѣлыми часами, въ особенности при посѣщеніяхъ княземъ Петербурга, гдѣ всего удобнѣе было можно бесѣдовать подалеже отъ нескромныхъ взоровъ „людей Бобриковскаго режима“. О чемъ шли между ними переговоры— неизвѣстно. Быть можетъ устанавливались статьи новаго „Портсмутскаго“ договора на смѣну Фридрихсгамскому? „Тайна сія велика есть“ и объ ней мы узнаемъ не ранѣе, какъ черезъ полстолѣтія, когда будущій историкъ самостоятельнаго финляндскаго государства будетъ изслѣдовать періодъ его возникновенія. Нельзя не признать, однако, и теперь весьма характерною ту легенду, которая еще съ прошлаго февраля мѣсяца циркулируетъ по Финляндіи изъ устъ въ уста, преимущественно среди простого люда, трактуя о яко бы данной шведоманами князю Оболенскому крупной миллионной взяткѣ. Конечно, — нельзя допустить, чтобы такая чудовищная вещь была правдой; но интересенъ тутъ собственно фактъ распространенія этой сказки и именно среди финновъ, которые по своей первобытной простотѣ, другого объясненія поведенію русскаго генераль-губернатора не могли и придумать!

Сдѣланный нами очеркъ октябрьскихъ событій въ Финляндіи убѣждаетъ безспорно въ одномъ,—что масса финскаго народа не принимала въ переворотѣ почти никакого участія и что даже ей вовсе не были извѣстны намѣренія революціонеровъ. Послѣдніе заручились лишь содѣйствіемъ интеллигенціи и части городского рабочаго класса. Сельчане почти вездѣ остались спокойными; руководителями толпы являлись обыкновенно интеллигентные шведы, въ томъ числѣ много бывшихъ офицеровъ финскихъ войскъ. Всѣ возвращенные изъ административной ссылки играли роль революціонныхъ делегатовъ, распоряжающихся каждый въ своемъ районѣ 2). Что касается рабочаго класса, то его движеніе шло нѣсколько особнякомъ отъ общаго, преслѣдуя свои частныя цѣли, выяснивъ которыя, правительственнымъ властямъ было бы, вѣроятно, не трудно придти съ ними къ соглашенію. Организованные рабочіе Финляндіи заражены еще мало анархизмомъ, хотя всѣ они сплошь почти социаль-демократы; глубокое недовѣріе, питаемое ими къ правящему классу „господъ“ шведовъ, наиболѣе враждебному въ краѣ идеѣ единенія съ Россіей, дѣлаетъ ихъ скорѣе союзниками русскаго правительства, такъ какъ финны-простолюдины,—составляющіе массу населенія, а слѣдовательно,—и всю его силу,—предпочтутъ всегда мирное сожителство съ русскими возстановленію прежняго господства шведовъ...

Но это — уже область будущаго и, быть можетъ, весьма

1) Передъ своимъ назначеніемъ на постъ финляндскаго премьера Мехелинъ неоднократно бывалъ и у графа Витте.

2) Многіе изъ членовъ новаго сената принадлежатъ къ такимъ дѣятелямъ.

близкаго, такъ какъ передача правительственной власти въ Финляндіи въ руки партіи „конституціоналистовъ“ едва-ли успокоитъ край, особенно если правительство сдѣлаетъ капитальную ошибку, вступивъ въ союзъ со своими заклятыми врагами и начавъ помогать имъ подавлять движеніе тѣхъ, которые склонны были-бы стать его союзниками.

Во всякомъ случаѣ, сдача княземъ Оболенскимъ въ октябрьскіе дни всего русскаго дѣла въ краѣ на капитуляцію подъ давленіемъ требованій являвшихся къ нему представителей отдѣльных политическихъ партій, не можетъ найти себѣ никакого оправданія. Обстановка, при наличности въ высшемъ носителѣ русской власти хоть капли энергіи и самоотверженія, отнюдь не требовала уступокъ. Поведеніе князя Оболенскаго логически необъяснимо. Если онъ не далѣе какъ въ декабрѣ прошлаго года докладывалъ своему Государю ¹⁾, что всякія уступки Финляндіи вообще, а въ переживаемое тяжелое для Россіи время — въ особенности, могутъ принести только непоправимый вредъ государству и будутъ приняты финляндцами не какъ осуществленіе ихъ блага или какъ милость, но лишь какъ доказательство слабости власти и предлогъ къ новому, еще болѣе дерзкимъ домогательствамъ, то какимъ образомъ онъ могъ ходатайствовать объ изданіи Манифеста 22-го декабря по рецепту Мехелина? Вѣдь этотъ Манифестъ всѣмъ своимъ содержаніемъ и даже формою изложенія, не исключая заглавія своего „о возстановленіи законодѣрнаго порядка въ краѣ“ и заключительныхъ словъ о единеніи финскаго народа только со своимъ Монархомъ (безъ упоминанія о Россіи), составлялъ безпримѣрную уступку и полный разрывъ съ недавнимъ прошлымъ? Если князь дѣйствительно являлся тѣмъ природнымъ администраторомъ, какимъ онъ любилъ себя выставять, онъ обязанъ былъ давно уже рѣшить принципиально вопросъ о необходимости уступить по требованіямъ „большой петиціи“ или о невозможности этихъ уступокъ. Въ случаѣ перваго рѣшенія, — нельзя понять усвоеннаго имъ способа частичнаго разсмотрѣнія петиціи и передачи ея по отдѣльнымъ вопросамъ въ комиссію д. т. с. Таганцева, что являлось способомъ простой проволочки; въ случаѣ втораго рѣшенія — нельзя было отнюдь измѣнять его даже надъ давленіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, до которыхъ отнюдь не доходили октябрьскія событія.

Высочайшій манифестъ 17-го октября, даруя всѣмъ вѣрноподаннымъ начала гражданской свободы, даровалъ ихъ и населенію Финляндіи, но этимъ отнюдь не вызывалась необходимость удовлетворенія всѣхъ домогательствъ послѣдняго финляндскаго сейма, направленныхъ къ уничтоженію всѣхъ трудовъ Бобрикова и образованію изъ Финляндіи „отдѣльнаго государства“. Если князь Оболенскій не понималъ положенія и могъ поддерживать требованія финляндцевъ, совершенно игнорировавшихъ манифестъ 17-го октября, который до сихъ поръ не воспріятъ въ этомъ краѣ силы закона, — то должны

1) Въ упомянутой выше всеподданнѣйшей запискѣ.

были помѣшать этому дѣлу въ Петербургѣ тѣ лица, которыя только что содѣйствовали изданію Государственнаго акта, установившаго, какъ *незыблемое правило*, что „никакой законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Государственной Думы“.

По справедливому указанію г. К. Скальковскаго („Новое Время“ № 10668), „Финляндія не есть только собственность династіи: она куплена русскою кровью, обильно оросившею ея скалы; она, по фридрихсгамскому трактату, вошла „въ собственность и державное обладаніе *Имперіи* Россійской“, а не только ея Императора“.

„Легальнымъ такое пожертвованіе, — какъ совершенно вѣрно говоритъ г. Скальковскій, а еще раньше въ „Словѣ“ убедительно доказывалъ профессоръ В. Н. Латкинъ, — быть не можетъ и безъ Государственной Думы связь съ Россіей этой окраины, исключительно династическая, какъ сдѣланная въ противорѣчіе манифеста 17 октября этого года, силы не имѣетъ“.

Остается питать надежду, что Государственная Дума въ силу присвоеннаго ей манифестомъ 17-го октября права контроля, обратитъ на это свое вниманіе и займется урегулированіемъ русско-финляндскихъ отношеній на началахъ интересовъ всего государства, а не одного только финляндскаго сепаратизма, какъ спѣшать устроить финляндцы, стремясь закрѣпить свою добычу на сеймѣ, собранномъ ранѣе созыва Думы.

Сдѣланная княземъ Оболенскимъ государственная ошибка — колоссальна. На исправленіе ея въ данный моментъ, безъ вмѣшательства Государственной Думы, надежды нѣтъ никакой, ибо преемникъ князя на посту финляндскаго генералъ-губернатора, выдвинутый графомъ Витте дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь Н. Н. Герардъ, оказывающій уже въ преклонномъ возрастѣ, человѣкомъ, потерявшимъ всякую энергію и, кромѣ того, лично признавшимся бывшему у него на первыхъ-же порахъ финляндскому интервьюверу въ своемъ полномъ невѣдѣніи относительно финляндскихъ дѣлъ.

Если хорошо знающій Н. Н. Герарда г. К. Скальковскій рѣшительно недоумѣваетъ (Новое Время № 10671), „какъ это могли отыскать въ немъ качества, необходимыя для завоеванія, хотя бы и мирнымъ путемъ, отпавшей при посредствѣ бунта финляндской окраины“ и если порученный ему болѣе отвѣтственный постъ управляющаго Собственною Его Величества канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи, по свидѣтельству того-же г. Скальковскаго, онъ не могъ занимать съ успѣхомъ даже нѣсколько мѣсяцевъ и былъ уволенъ, то какіе-же могутъ быть возлагаемы на него надежды на нынѣшнемъ, крайне трудномъ, отвѣтственномъ и важномъ для государства посту? Ясное дѣло, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ назначеніемъ на эту должность человѣка, благоуднаго „королевскому величію“ г-на Лео Мехелина, который, очевидно, и будетъ теперь фактически управлять Финляндіей.

